

ЭХО МЕЖДУ НАМИ

У каждого
свой
секреты...

18+

КЭТИ МАКГЭРРИ

Кэти Макгэрри
Эхо между нами
Серия «Young Adult. Бестселлеры
романтической прозы»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64346806

Кэти Макгэрри Эхо между нами:
ISBN 978-5-04-112653-7

Аннотация

Они оба шли по краю. А демоны следовали по пятам.

Вероника видит призраков. Один из них – ее собственная мать. Но девушка совершенно не напугана. Она уверена, что, пока мама рядом, с ней все будет хорошо. Ведь кто знает, что будет завтра: у Вероники опухоль мозга, из-за чего ее одолевают невыносимые мигрени.

Сойер – один из самых популярных парней школы. А еще он отличный пловец. Правда, его увлечение давно превратилось в нездоровую тягу к адреналину, которую ему сложно контролировать. Возможно, именно это и связывает его с Вероникой.

Благодаря случайным обстоятельствам Веронике и Сойеру предстоит жить под одной крышей. Смогут ли они вместе победить демонов, которые их преследуют? Или привычное

хождение по краю обернется для каждого потерей всего, даже собственной жизни?

Содержание

Вероника	6
Сойер	16
Вероника	30
Сойер	44
Вероника	56
Сойер	62
Вероника	72
Сойер	79
Вероника	90
Сойер	99
Вероника	109
Сойер	125
Вероника	130
Сойер	141
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Кэти Макгэрри

Эхо между нами

Katie McGarry

ECHOES BETWEEN US

Copyright © 2019 by Katie McGarry

All rights reserved.

Серия «Young Adult. Бестселлеры романтической прозы»

© Абмаева С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Вероника

Ранним утром, все еще сонная, я, спотыкаясь, спускаюсь по лестнице и захожу на кухню. Улыбаюсь при виде мамы, сидящей у эркерного окна в дальнем конце комнаты.

Она в своем любимом белом сарафане на тонких бретельках и с кружевами по подолу. От того, как солнечные лучи падают на ее длинные светлые волосы, кажется, что она вся светится, и в ней есть какая-то мягкость, которая согревает мое сердце. Это моя мама, моя лучшая подруга, и я знаю, что все будет хорошо, пока она со мной.

– Доброе утро, – говорю я.

Мама поворачивает голову в мою сторону и одаривает меня одной из своих фирменных великолепных улыбок. Может быть, она улыбается потому, что мои волосы – одно большое крысиное гнездо, или потому, что сейчас август, а я в зимней пижаме с Минни-Маус, раскачиваюсь из стороны в сторону, будто мне шесть лет, а не семнадцать. Независимо ни от чего, она рада меня видеть, и это приводит меня в восторг.

– Доброе. – Мой отец – водитель грузовика, но сейчас он по локоть в тесте для вафель и совершенно не стыдится того,

что его черная футболка и потертые синие джинсы испачканы мукой.

Что бы папа ни готовил на кухне, он будет в ингредиентах с головы до ног. Как ему это каждый раз удастся, я никогда не узнаю. Но это вид искусства, в котором он преуспевает, и я аплодирую ему за старания.

– Как спалось? – спрашивает он.

– Хорошо, – я шаркаю ногами через кухню и сажусь рядом с мамой. Аккуратно кладу голову ей на плечо и подушку позади нее, и она переплетает свои пальцы с моими.

Мы живем на втором и третьем этажах этого огромного трехэтажного викторианского дома, который мама купила на свое скромное наследство несколько лет назад. Первый этаж мы сдаем в аренду для дополнительного дохода, потому что жить там было бы жутко. Много лет назад на первом этаже произошли таинственные смерти, и какой одиннадцатилетний ребенок захочет спать в комнате, где кто-то умер? Но хорошая новость заключается в том, что это место досталось нам практически бесплатно, поскольку никто не захотел покупать дом с такой историей.

С моей активной, но бесполезной помощью папа отремонтировал полы. Он превратил третий этаж в две спальни и ванную, а второй – в гостиную и кухню. Кроме туалетной комнаты, шкафов и кладовки, второй этаж открытой планировки. И, так как мама любит цвет неба в безоблачный день, стены были солнечно-голубыми с белой отделкой.

Папа подпеваает песням восьмидесятих годов, которые звучат из встроенных в потолок динамиков. Голос у него хриплый, грубый и резкий, как и его внешность. Внутренне я хихикаю от того, насколько он глупо выглядит, когда трясет головой и ведет себя так, будто у него все еще длинные черные локоны вместо лысой головы. Он не очень хороший певец и определенно не лучший танцор, но замечательный папа.

– Как же ты в него влюбилась? – шепчу я маме, хотя уже знаю ответ. Есть что-то успокаивающее в том, чтобы вести такие разговоры с кем-то, кого ты любишь.

– Лучше спроси, как твой отец влюбился в меня.

Мои родители – полная противоположность друг друга. Она – нежное солнышко, а он – гроза с широкими плечами, словно у вышибалы из бара, и с черной козлиной бородкой. Мама – это стихи, художественные галереи, тихие дни и маковые кексы. Папа же – футбол по воскресеньям днем, покер по понедельникам и несколько кружек пива с друзьями по пятницам.

– Он любит тебя, – говорю я. Никто и никогда не любил никого так сильно, как папа любит маму. Несмотря на то, что он не особенно счастлив с ней в данный момент, любовь все еще существует.

– Он любит нас, – поправляет мама.

Я не могла не согласиться с ней.

Папа по-прежнему сосредоточен на вафлях и дает мне

время влиться в мой день прежде, чем перейти к разговору. Я не примадонна, просто почти каждое утро просыпаюсь с жуткой головной болью. Сильную мигрень, которая заставляет чувствовать себя так, будто «Боинг-747» непрерывно приземляется прямо на мой мозг, я уже считаю терпимой. Но в ужасные дни боль так сильна, что я не могу встать с постели.

Этим утром я не проснулась с жуткой головной болью и действительно хорошо спала, поэтому сразу сообщаю папе, что сегодня хороший день.

– А как ты спал?

Общение с ним в такую рань – настоящий подарок, и улыбка, которую папа бросает в мою сторону, дает мне понять, что для него сейчас нет ничего лучше этого.

– Я отлично выспался. Ты готова к сегодняшнему дню, орешек?

– Да.

Не совсем так. Я скорее вырву себе глазные яблоки, чем пойду на профорientацию, но папа довольно непреклонен относительно образования. И мне не хочется, чтобы он в дороге беспокоился обо мне, так что легче врать.

– Ты готов к своему рейсу?

Сегодня днем папа уезжает в пятидневную командировку.

– Думаю, да, но... ты же меня знаешь.

Мы с мамой хихикаем, потому что папа печально известен своей забывчивостью, когда ему предстоят длинные коман-

дировки. Он забудет про зубные щетки, зубную пасту, дезодорант, обувь...

– Он плохо спал, – шепчет мне мама. – Всю ночь ворочался с боку на бок.

– Почему? – спрашиваю я, поглядывая на папу, чтобы убедиться, что он не слышит нас из-за своего пения и соло на воображаемых ударных.

Мама расчесывает пальцами мои короткие светлые кудри. На ее лице написано беспокойство, а боль в глазах причиняет мне боль.

– Он волнуется о тебе.

И она тоже.

Не в силах вынести их тревогу, я отвожу взгляд от мамы и замечаю клубнику, чернику и взбитые сливки – все мои любимые начинки – на столе. Папа любит делать что-то для меня и со мной. Мое горло сжимается, потому что мне повезло, что у меня есть такой отец, как он.

Папа снимает дымящиеся вафли с разогретого железа, и его взгляд падает на пятьдесят разноцветных индеек из плотной бумаги, которые я приклеила скотчем к стене вчера вечером, пока не могла заснуть.

– Значит ли это, что мы снова празднуем День благодарения?

– Да.

– Когда мне нужно быть дома? – Папа привык к моему необычному увлечению творческим отмечанием праздников

в любое время, кроме настоящего дня самого торжества. Это одна из многих вещей, которые я унаследовала от мамы.

Многие в школе называют меня странной. Мою маму тоже так называли, когда она училась в старшей школе, поэтому я стараюсь воспринимать любые насмешки как комплимент.

– Мне нужно поговорить с Лео, Назаретом, Джесси и Скарлетт и посмотреть, что у них готово. На этот раз мы должны купить огромную индейку. Я хочу побольше остатков.

– А ты не могла бы предупредить меня за две недели до Рождества? Я хотел бы успеть купить тебе подарок не с бензоколонки.

– Шагай в ногу со временем, папа. Есть же интернет-магазины. Двухдневная доставка. Это крутая вещь.

– Лео разве скоро не уедет в колледж?

Это напоминание заставляет меня нахмуриться, и я меняю тему разговора.

– А новые жильцы внизу все еще переезжают?

– Да, и их проинструктировали никогда не стучать, если им что-то понадобится. Только звонить мне. Если они нарушат правила, скажи, и я их выселю. Не хочу, чтобы они тебя беспокоили.

– Звучит неплохо. – Папа уезжает в длительный рейс на несколько дней, а потом возвращается домой на два-три дня. Этот график нам отлично подходит. Иногда наши арендаторы пытаются поговорить со мной, когда не могут дозвонить-

ся до папы, и это выводит его из себя.

– А кто переезжает сюда?

– Кто-то из местных жителей. Это краткосрочная аренда. Богачи ждут, когда их дом будет построен в «Родниках».

Фешенебельный район строится в восточной части города. Даже если бы мы с папой копили каждый пенни, заработанный за последние десять лет, все равно не смогли бы позволить себе первый взнос за один из этих дорогих гигантских особняков.

– Плата за первый месяц и депозитный чек лежат на стойке. Ты не могла бы его сдать на хранение?

– Конечно. – Поскольку папа путешествует, я занимаюсь нашими финансами. Грузоперевозки – это небольшой бизнес, по крайней мере, точно не такой, как владение собственной буровой установкой, однако и с ним связана тонна бухгалтерской волокиты. Папа учил меня сводить баланс с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Он перепроверял все, что я делаю, но теперь, когда я стала старше, почти не контролирует мою работу.

– Ты сказал им, что в этом доме водятся привидения? – спрашиваю я.

– В этом доме нет привидений.

О да, это так. Папа чувствует себя обделенным вниманием со стороны призраков, потому что не видел этих теней, но я видела.

– Тогда почему риелтор сказал нам, что здесь водятся при-

видения?

– Потому что люди любят рассказывать истории.

– Ты должна рассказать ему, что видела, – шепчет мне мама, и чувство вины отдает желчью. – Он наверняка захочет это знать.

Если я признаюсь отцу, он слишком остро отреагирует и сойдет с ума, а я не готова к последствиям.

– Я ему все расскажу. Только не сейчас, – мягко отвечаю я.

– Потом может быть уже слишком поздно, – тихо продолжает мама. – Он наверняка захочет узнать это сейчас.

Я не готова делиться своим секретом с папой, хотя это невероятное бремя сложно нести в одиночку.

– Ты сказала, что тебя вполне устраивает мое решение по этому вопросу.

– Да, но я не уверена, что будет хорошей идеей скрывать что-то от твоего отца. Он любит тебя.

– Он разозлится, – шепчу я. – Папа бросит свою работу и никогда не выпустит меня из виду.

Это не та жизнь, которую я хочу для себя или для него.

– Ви, я не думаю... – начинает она, но я обрываю ее.

– Ты довольна тем, как все прошло после того, как ты рассказала отцу?

Мама была раздавлена моими словами и убита горем из-за того, что случилось между ней и папой, когда она открыла ему свою тайну. Несмотря на то, что мама давит на меня

сейчас, она сказала папе, что только мне решать, как справиться с последствиями моего диагноза. И я предполагаю, что именно поэтому папа больше не разговаривает с мамой – по крайней мере, не при мне. Однако поздно ночью, когда он убеждается, что я сплю, его боль доносится с его стороны дома до моей. Я не слышу, что он говорит, но печальная, трагичная мелодия его голоса достигает моих ушей и разрывает мне сердце.

Я покусываю нижнюю губу и надеюсь, что она понимает.

– Есть вещи, которые мне прежде нужно сделать. После этого я ему все расскажу. Обещаю.

– Сожаление – это горькая вещь, – говорит мама. – Будь осторожна с этой игрой. После некоторых решений последствия становятся необратимыми.

Вот почему я не могу рассказать папе, что со мной происходит. Не сейчас. А может, и никогда, несмотря на мое обещание. Я знаю, что папа любит маму и что мама любит папу, но между ними есть эта стена. Прежде чем открою папе свой секрет, мне нужно найти способ наладить отношения между ними, дать ему утешение в разгар принятия мной сложных решений и сделать это так, чтобы не разрушить папину жизнь и мои планы на этот год.

– Ты готова поесть? – сияя, спрашивает папа.

– Определенно. – Я встаю, и мама тоже, но вместо того, чтобы пойти со мной к столу, она пересекает комнату и исчезает на лестнице. Папа снова ведет себя так, будто не за-

мечает ее. Мне больно от этого, но я заставляю себя улыбнуться и делаю все возможное, чтобы насладиться этим моментом с отцом.

Сойер

Вот первые пять вещей, которые мне нужно сказать маме, но я скорее отрежу себе ногу тупым ножом для масла, чем произнесу это вслух:

1. Ей очень нравится, что я пловец. На самом деле она любит бо́льшую часть моей жизни сильнее, чем я сам. Но это логично, так как почти все она спланировала сама.

2. Я сломал руку, не поскользнувшись у бортика бассейна в ИМКА¹, как сказал ей, а сделав кое-что глупое.

3. Даже если я знаю, что делаю что-то безумное, не могу остановиться.

4. Нет, я не рад, что мой гипс снимут завтра, потому что этот гипс – единственное, что удерживает меня от совершения глупых поступков.

5. Новая подруга моего отца беременна их первым ребенком, и именно по этой причине я не разговаривал с ним и не навещал его с начала лета. Он с трудом справляется с тем, чтобы играть «папу» для нас, так зачем же ему еще один ре-

¹ ИМКА – юношеская христианская ассоциация, известная организацией детских лагерей.

бенок?

Разве я написал что-нибудь из этого в своем выпускном журнале? Черт возьми, нет. Наш учитель английского должен жить под скалой мании величия, думая, что есть хоть один из нас, кто поделился бы нашими самыми глубокими и сокровенными мыслями в «Пятерке вынужденных (по моему мнению) летних заданий».

Я отстаю на сорок записей, и у меня есть время до шести вечера, чтобы закончить, прежде чем сдать дневник судьбы моему учителю на ознакомление. Знаю, что это не самый лучший способ начать год.

Через боковое зеркало заднего вида я наблюдаю, как моя младшая сестра бегает вокруг матери. Люси вопит во всю глотку, потому что увидела пчелу. Ее спутанные черные кудри развеваются за ней, как плащ, а ее пронзительный крик смешивается с расстроенными мольбами мамы. Не знаю, как удержание кофе двумя руками над головой помогает шестилетнему ребенку в состоянии паники, но мама одержима своим утренним кофе, который для нее важнее страхов Люси.

Мама наконец ставит чашку на крыльцо и пытается удержать мою сестру. Нерешительными движениями она пытается схватить постоянно ускользающую Люси, но это все равно что ловить воздух. По тому, как мама двигается, можно предположить, что она застряла в мокром цементе, — она очень устала. Не уверен, какой это тип усталости: «я-

не-выспалась-сегодня» или «я-мать-одиночка-которой-почти-пятьдесят-с-работой-требующей-полной-отдачи», или простая усталость вроде «сейчас-девять-утра-и-быть-ответственной-взрослой-полный-отстой».

Шесть лет назад мои родители подали на развод на следующий же день после рождения Люси, и мама с папой дали мне выбор решить, с кем я хочу жить. Мой отец тогда пригласил меня на ужин, положил руку мне на плечо и сказал:

– Твоя мама нуждается в тебе. Ей не нравится быть одной, к тому же она будет занята воспитанием Люси. Ей понадобится лишняя пара рук, а твоей младшей сестре – любящий старший брат. Мне нужно, чтобы ты стал хозяином дома и позаботился о них.

Решение принято. Кроме того, учитывая, что папа проводил со мной в общей сложности по десять минут за вечер, когда они были женаты, потому что предпочитал работу, а не нас, выбор мамы не был большой жертвой.

Кто-то сигналит, и я стараюсь не раздражаться из-за этого резкого звука. Моя машина загораживает конец улицы, окаймленной столетними высокими дубами, которые гнутся так, словно погода слишком жаркая даже для них. Что ж, кто бы это ни был, он может продолжать сигналить, а лучше сразу сдать назад, потому что я не сдвинулся с места, пока Люси не будет в безопасности. К тому же наш дом в конце дороги, последний в квартале, и впереди больше ничего нет.

Я опускаю окно, и августовская жара бьет меня словно от-

бойным молотком. Я высовываю голову и зову:

– Люси.

Моя сестра застывает на месте, медленно поворачивает голову в мою сторону и быстро хлопает большими глазами.

– Садись, я тебя подвезу.

Люси снова визжит, но на этот раз от восторга. В своей любимой пушистой розовой юбке и рубашке с единорогом из блесток, которую мама купила ей во время их последнего шопинга, она мчится по подъездной дорожке ко мне. Я открываю дверцу, выпрыгиваю и поднимаю руку в знак извинения ожидающей меня машине. Пожилой мужчина в четырехдверном «Кадиллаке» размером с лодку качает головой, как будто злится, и решает вернуться на подъездную дорожку, чтобы направиться в противоположном направлении.

С разбега моя младшая сестра запрыгивает мне на руки, и я сажаю ее в грузовик. Люси перебирается на другую сторону сиденья, и я закрываю за собой дверь. Хотя мы сдаем всего на метр назад, я пристегиваю ее ремнем безопасности и кладу руки на руль.

– Сойер, тебе нужно пристегнуться. – Ее невинное выражение лица заставляет меня послушаться.

Люси как Сверчок Джими², и в большинстве случаев мне нужна эта дополнительная совесть. Я ставлю грузовик

² Сверчок Джими (англ. Jiminy Cricket) – персонаж детской книги «Приключения Пиноккио» Карло Коллуди. Сверчок постоянно ругал главного героя Пиноккио за неосмотрительность и плохие поступки.

U-Haul на задний ход, и мотор урчит, когда я осторожно нажимаю на газ. Семнадцать лет – это еще не тот возраст, чтобы водить машину, но, будучи представителем фармацевтической компании, мама умеет говорить до тех пор, пока люди не прислушаются.

– *Мой сын – совершенство.* – Она показала свою улыбку на миллион и взмахнула рукой, когда парень за стойкой U-Haul запротестовал, чтобы я сам сел за руль. – *Он однажды выиграет олимпийское золото. Вы бы видели, какой он хороший пловец.*

Мама машет мне, показывая, куда ехать, но я не смотрю на нее. Вместо этого я доверяю зеркалам. В грузовике не особо много вещей, так как большая часть нашего имущества находится на складе, пока мы ждем завершения строительства нового дома. Он должен быть уже закончен, но подрядчик отстает от графика, а дом, в котором мы жили, продан, и теперь мы находимся в чистилище краткосрочной аренды.

Ясноглазая и улыбающаяся, как будто я привел ее к воротам «Диснейленда», Люси открывает свою дверь в тот момент, когда я ставлю грузовик на стоянку и выпрыгиваю. Она готовится к приключению, а я предчувствую крушение поезда. Потому что у мамы такая широкая улыбка, что можно подумать, будто она хочет рассказать плохие новости, но намерена преподнести их как что-то хорошее.

«Пока ты был в летнем лагере, я случайно забыла покормить твоего хомячка, но разве ты не хотел черепаху?»

«Я уронила остатки спагетти на твой выпускной костюм, который ты положил возле стола, но не лучше ли тебе пропустить церемонию и провести вечер со мной?»

«У Люси желудочный грипп, а у меня важная встреча с клиентами, и, если ты останешься с ней дома, тебе не придется сдавать этот тест на чтение».

Я медленно отхожу от грузовика и еще медленнее иду по высокой траве переднего двора, чтобы присоединиться к маме на осыпающейся дорожке перед домом.

– Знаешь, большинство людей считают за честь жить на Сидар-авеню, – говорит мама. – В этих домах жили люди на протяжении многих поколений. Разве они не великолепны?

Я оглядываюсь по сторонам, не совсем понимая смысл розыгрыша. Это же просто дом. Не водопад.

Другие высокие дома на этой улице имеют ухоженные газоны, которые наводят на мысль о лазерной точности садовника. Но этот дом зарос кустами и дикими розами, которые выглядят так, будто не видели острой пары ножниц долгие годы.

Мама выросла в этом маленьком городке, а я до одиннадцати лет жил в Луисвилле. Поначалу было странно быть чужаком, но я научился приспособливаться.

Сняв резинку с запястья, мама стягивает свои окрашенные стилистом светлые волосы в пучок на макушке. То, чем она зарабатывает на жизнь, в значительной степени зависит от внешнего вида. Ее акриловые ногти всегда безупречны,

макияж точен, и ее тело – результат ежедневного сорока-пятиминутного марафона на беговой дорожке, а затем еще тридцати минут интенсивных тренировок по специальной программе.

Ее черные штаны для йоги и теннисные туфли – свидетельство того, что она имела в виду то, что сказала, и собирается взяться за дело. Капельки пота выступают у нее на лбу, и она смахивает их тыльной стороной ладони, глядя на чудовищный дом перед нами.

В типичной маминой манере, чтобы сэкономить время, она подписала договор аренды без предварительного просмотра.

– На фотографиях дом казался веселее.

– Как и психопаты.

Желтый дом в три этажа, вероятно, был построен в восемнадцатом веке, и у него даже была башенка. Один только цвет должен привлекать внимание, но в доме есть что-то темное. Как будто оконное стекло слишком толстое, а воздух вокруг нас слишком тяжелый, и мы уже не рады этому дому.

Не помогает и то, что он стоит у подножия крутого холма, на вершине которого располагается старая заброшенная туберкулезная больница, полная, как известно всем в городе, призраков и демонов, и именно там поклонники дьявола совершают свои обряды.

– Постарайся быть позитивным. – Мама толкает меня в плечо, но я не двигаюсь с места.

– Я уверен, что психопаты на фотографиях выглядят веселее, чем в реальной жизни. – Косой взгляд от мамы, и боль на ее лице вызывают щемящее чувство вины. Вспоминаю, что мое дело – поддерживать ее, когда дела идут плохо.

Поэтому я подмигиваю ей, чтобы смягчить свои слова.

– Ты молодец, что нашла нам это место.

Мама обожает комплименты, и она, конечно же, вся засияла.

– Я справилась хорошо, – она делает ударение на последнем слове, напоминая, что хотела бы, чтобы я сосредоточился на худшем предмете в школе. Есть предметы, в которых люди успешны, и предметы, которые не даются. Я хорош в математике. Английский же – постоянная борьба.

– В нашем распоряжении весь первый этаж и три спальни, – продолжает мама. – Одна для тебя, одна для Люси и одна для меня. Там есть полностью оборудованная кухня и вся необходимая бытовая техника. Мы можем пользоваться стиральной машиной и сушилкой в подвале, мы платим только половину коммунальных услуг, и, учитывая, сколько стоят дома на этой улице, наша арендная плата – просто гроши. Лучшая новость заключается в том, что мы здесь только до декабря.

Именно тогда, как обещал подрядчик, наш дом будет готов.

– Ты рассказал отцу о своем переезде? – мамин легкий тон теперь стал напряженным. После стольких лет одно упо-

минание о папе все еще заставляет ее вздрагивать.

– Да.

Я неохотно отправил ему сообщение, но только для того, чтобы отвязаться от мамы.

– И что же он сказал? – Она надевает свои дизайнерские солнцезащитные очки, слишком большие для ее лица.

Нет такого ответа, который заставил бы ее чувствовать себя лучше.

– Ничего особенного.

И это чистая правда. Мама бросает взгляд на мою сестру, которая играет с палкой в тени дерева.

Люси похожа на папу. У нее черные волосы и светлая кожа. Я же похож на маму. У нас круглый год сохраняется естественный загар, а глаза одинаково светло-голубые, как у ребенка. Правда, мои волосы были песочно-белыми с рождения, а не как у мамы – купленными платиновыми.

Я высокий – около ста восьмидесяти трех сантиметров, как и мама. Она была волейболисткой в средней школе и колледже. Но никакого волейбола для меня – я пловец, как и папа. И к тому же очень хороший. Если смогу сохранить свои оценки, мой тренер убежден, что я окажусь на пути к чемпионству штата.

– А ты уверен, что тебе следует держать все эти коробки одной рукой? – спрашивает мама. Она уже в сотый раз задает этот вопрос за последние две недели.

– Доктор сказал, что нужна всего неделя, чтобы попра-

виться. Она подходит к концу, так что я в порядке.

– Ты такой замечательный ребенок. Не знаю, что бы я без тебя делала. Наш хозяин и его дочь живут на втором и третьем этажах, но они нам не мешают. У них есть свой собственный вход. Я думаю, его дочь ходит в ту же школу, что и ты.

Я резко вскидываю голову, потому что об этом слышу в первый раз.

– Кто?

Мама играет бровями.

– А что такое? Подумываешь о том, чтобы устроить несколько поздних свиданий?

Нет. Мне не нравится, что кто-то из школы будет смотреть на мою жизнь с высоты птичьего полета, но, если я скажу об этом маме, она будет искать объяснения. Мама смеется, принимая мое уклончивое молчание за утвердительный ответ. Она всегда ищет для меня свою версию нормальной жизни.

– Ханна помогла мне найти это место. Сильвия сказала ей, что с девушкой, которая живет здесь, вы обычно не общаетесь.

Ханна – риелтор и одна из лучших маминых подруг, а Сильвия – дочь Ханны. Кроме Мигеля, Сильвия – одна из моих самых близких подруг.

– Ханна также сказала, что человек, которому принадлежит этот дом, очень милый. Он много путешествует по своей работе и прекрасно относится к своим арендаторам.

– Если это сказала Ханна, значит, это правда, – бормочу я. Из-за своей работы Ханна знает о множестве людей больше, чем следует, и с радостью выбрасывает всю личную информацию, которую она узнает о своих клиентах, к первому же раунду выпивки.

Мама игнорирует мой комментарий, что, вероятно, лучше для нас.

– Кстати, я сказала Сильвии, что ты пригласишь ее посмотреть дом, как только мы распакуем коробки. Может быть, тебе стоит пригласить ее остаться на ужин, когда ты приведешь ее сюда? Может, и в кино тоже? Я заплачу.

– Имеешь в виду свидание? – Я слишком высоко поднимаю брови в надежде, что мама подумает, прежде чем заговорить.

– Сильвия милая девушка, и она очень высокого мнения о тебе. Возможно, вы двое могли бы стать больше чем просто друзьями.

– Она предпочитает девушек.

Вздыхнув, мама оставляет эту тему.

– Готовы войти внутрь?

Не совсем.

– Конечно.

Мама зовет Люси, и та бегом поднимается по ступенькам крыльца, которые не помешало бы отшлифовать и покрасить. Несколько усилий с электронным замком, и мы минуем первую дверь, оказавшись в фойе.

Мы проходим мимо лестницы к другой двери с еще одним электронным замком. Маме приходится свериться со своими сообщениями, чтобы открыть его, и когда ей это удастся, дом словно выдыхает, и не в хорошем смысле.

Воздух спертый, внутри темно, и, когда мы входим, клянусь, становится еще темнее. Люси обеими руками хватается меня за руку и прячется за моей спиной. Я с громким звуком включаю древний выключатель, и одна-единственная лампочка над головой вспыхивает и оживает. Теперь в комнате царит тусклый туман, как в фильмах ужасов, и я готов поспорить: мама жалеет, что не посмотрела дом заранее.

– Нам нужно открыть окна, – говорит она, но в гостиной нет окон, так как вдоль стен тянутся спальни, кухня и ванная. – Люси, пойдем со мной, начнем с кухни. Сойер, проверь наши спальни.

Перевод: «Мы с твоей сестрой направляемся в комнату с выходом, а ты проверяешь спальни на наличие там серийного убийцы». Я согласен, потому что забочусь о маме и сестре, защищаю их, и это мой долг.

Сначала я осматриваю правую часть дома. Пространство по другую сторону лестницы огорожено стеной. Здесь есть ванная комната и большая спальня, которая, как я предполагаю, будет принадлежать маме. Возвращаюсь в гостиную и проверяю маленькую комнату, идущую вдоль левой стороны дома. Может быть, здесь предполагался домашний офис? Затем я вхожу в спальню с круглым сиденьем у эркерного

окна – это понравится Люси.

Несмотря на то, что шторы задернуты, лучи света проглядывают сквозь них и высвечивают обильные частицы пыли в воздухе. Я прищуриваюсь, глядя на прямоугольный предмет, лежащий на подушке у окна, и медленно прохожу вглубь комнаты, несколько раз оглядываясь через плечо, как будто здесь есть кто-то еще и этот кто-то смотрит на меня.

Беру стопку скрепленных бумаг, пролистываю ее – это какие-то распечатки, помятые, словно зачитаны до дыр.

ДНЕВНИК ЭВЕЛИН БЕЛЛАК

1918 год

Эвелин от Мейди. Веселого Рождества и восхитительного Нового года.

– Что это? – спрашивает мама с порога.

– Видимо, осталось с давних времен. – Я сворачиваю бумагу в трубочку, кладу ее в задний карман и открываю шторы. Яркий, веселый свет льется в спальню. – Эй, Люси. Что ты думаешь об этой комнате?

Она подбегает прямо к окну, и тяжесть в моей груди уменьшается при виде ее улыбки.

– Есть несколько условий для проживания здесь, – говорит мама. Мой желудок опускается, поскольку это то, к чему я привык: за хорошим всегда следует удар. Она пятится в гостиную, и, судя по выражению ее лица, хочет поговорить

со мной без Люси.

Я присоединяюсь к ней и скрещиваю руки на груди.

– Ну и что же?

– Мы можем пользоваться стиральной машиной и сушилкой только в отсутствие хозяина, и нам не разрешается приставать к ним. Даже если что-то пойдет не так с квартирой. Мы должны звонить – никогда не стучать. Единственное исключение – когда платим арендную плату. Ее нужно передавать им лично и без задержек. И мы должны работать во дворе, все необходимое оборудование находится в гараже за домом.

Это значит, что я буду работать во дворе, но если это самое худшее, то я смогу жить с этим.

– Это вполне выполнимо. Что-нибудь еще?

– Только одно, и это не имеет большого значения. Правда, пустяк.

– Ну и что же?

– В этом доме водятся привидения, – выпаливает мама и улыбается мне. – Так, давай распакуем вещи.

Вероника

Единственная причина, по которой люди приезжают жить в этот маленький городок, – это или спрятаться, или умереть.

Родители Назарета привезли его сюда в седьмом классе, чтобы спрятать. С другой стороны, мой отец выкорчевал меня из нашего пригородного, уютного, ниже среднего класса, пахнущего шоколадной крошкой дома, когда мне исполнилось одиннадцать, чтобы я умерла.

В нашем городе не так уж много новых людей, поэтому мне всегда было любопытно, что за причина привела Сойера Сазерленда в этот заброшенный город. Он здесь потому, что прячется, или собрался умирать?

– Достаточно того, что Сазерленд переезжает в твой дом, так теперь он, похоже, вторгается на твою гору, – Лео вскакивает на крошащуюся кирпичную стену, идущую вдоль бетонного крыльца старой туберкулезной больницы, и смотрит вниз с холма. Конечно же, Сойер Сазерленд и группа его веселых друзей идут через густые кусты и высокие зеленые деревья вверх по узкой тропинке.

Лео прав насчет того, что Сазерленд вторгся в мое про-

странство, но ошибается, что холм принадлежит мне. Наш задний двор соприкасается с частной собственностью, но холм и санаторий принадлежат государству. Лео приезжает сюда не так часто, как я. И мы проводим бо́льшую часть нашего времени на ферме Джесси, но Лео поступает в колледж и хочет посетить все свои любимые места, прежде чем уедет. Поход вверх по холму – это убийственно, но вид захватывает дух.

– Просто потрясающе, – сарказм, но я так рада, что он чувствует себя как дома.

Ночь еще не скоро, и небо окрашено в розовые и темно-синие цвета раннего вечера. Позади нас массивное крыльцо, куда медсестры выкатывали пациентов на кроватях, чтобы они могли подышать свежим воздухом. Еще в начале 1900-х годов здесь жили тысячи людей, которые пытались «вылечиться» так от туберкулеза. Многие выжили. Еще больше погибло.

Множество людей в городе боятся этого здания. Оно было заброшено так давно, что даже окон не осталось, только зияющие темные дыры для всевозможных диких животных и нежелательных гостей. Но меня это не пугает. Бояться этого места – значит бояться смерти, и это не тот страх, который меня тревожит.

Лео садится рядом со мной, тоже свешивая ноги со стены. Его плечо трется о мое, и я признаю, что мое сердце пропускает несколько ударов. Мне бы этого не хотелось, но это так.

Он пахнет сандаловым деревом, и я ненавижу его за то, как он красив: золотистая кофейная кожа, черные вьющиеся волосы, которые почти касаются плеч, и улыбка, согревающая даже самых холодных людей в мире.

Возможно, если бы глаза Лео были неправильно расположены на его красивом лице, как на картине Пикассо, или из его лба торчал бы инопланетянин, или были бы скользкие щупальца, прикрепленные к его спине, я смогла бы найти способ не любить его слишком сильно. Но здесь нет никаких инопланетян, никаких щупалец, и у меня есть чувства к Лео, хотя он и не подозревает, что я влюбилась в него.

Мне нужно перестать думать о Лео и его чувствах, поэтому я сосредотачиваюсь на противоположности Лео и нахожу взглядом Сойера Сазерленда, возглавляющего стаю. За ним идут несколько парней и девушек. Девочки жмутся друг к другу и истерически хохочут, когда Сойер поворачивает к ним голову и наверняка говорит что-нибудь остроумное.

Вот что он делает – говорит. Смеется. По какой-то причине все его любят. Девушки хотят встречаться с ним, парни хотят дружить, учителя хотят ненавидеть, но он все равно очаровывает их, а тренеры лезут из кожи вон, пытаясь убедить его быть в их команде. Вот как выглядит популярность.

Сойер их всех обманул. Он заставляет их всех чувствовать себя важными – то есть всех, кроме меня и моих друзей. Мы сидим с ним за одной партой с тех пор, как он переехал сюда, но он ведет себя так, будто я невидимка.

– Как ты думаешь, он теперь со мной заговорит?

– Нет, – отвечает Лео.

– Это было прямолинейно. – И все же, вероятно, это правда.

– Накрахмаленная рубашка на пуговицах, шорты-карго, высокие кроссовки «Найк». У него такая же ужасная стрижка, как и у всех остальных, и он, как и все остальные неудачники в городе, считает себя оригинальным. Такие люди, как он, не умеют видеть ничего за пределами себя.

Я бы не сказала, что стрижка ужасна, но согласна с тем, что она лишена оригинальности. Светло-каштановые волосы Сойера пострижены в стиле андеркат, а челка уложена наверх. Эта прическа была популярна среди большинства парней нашего города. Сойер имеет высокий статус среди школьников, у него телосложение пловца, и в нем так же, как и в остальных, уживаются одновременно хороший мальчик и крутой парень. Внешне он придерживается рамок, которые требуют соблюдать взрослые, чтобы выглядеть хорошим мальчиком. Он говорит «Да, сэр» и «Нет, мэм» в нужное время с улыбкой, которая намекает на затеваемое озорство, но также он из тех, кто выпивает несколько кружек пива со своими «братанами» в субботу вечером и ведет себя как придурок.

Но потому, что мне нравится делать жизнь интересной я вдруг спрашиваю:

– А что, если это всего лишь фасад, а под ним действи-

тельно скрывается мятежник?

Лео фыркает, и даже мне с трудом удастся сохранить невозмутимое выражение лица. Сойер Сазерленд – самый классный хрестоматийный парень с деньгами, какого только можно достать, и я уже много лет назад бросила все эти хрестоматии.

– Мне нравится твой наряд. – Лео окидывает меня оценивающим взглядом.

Я играю бровями.

– Я делаю все, что в моих силах.

Сегодня на мне вязаный прозрачный розовый топ с черной кружевной майкой под ним, многослойная черная юбка, заканчивающаяся на середине бедер, и полосатые черно-зеленые гольфы до колен. Я настоящая аниме-коротышка.

Сто пятьдесят сантиметров – не слишком внушительный рост. Например, есть рождественские елки Чарли Брауна³ выше меня. И да поможет мне Бог, я выгляжу мило и очаровательно. Как глупый котенок с большими голубыми глазами. Я не могу выглядеть злой и угрожающей, даже когда пытаюсь, и, поверьте мне, я действительно стараюсь. Каждый раз, когда пробовала распрямить свои белокурые локоны, я

³ Чарли Браун (*англ.* Charlie Brown) – главный персонаж серии комиксов Peanuts и культового американского мультфильма по ней. В одном из эпизодов Чарли с друзьями сооружают рождественскую елку из ничего – тонкая маленькая веточка с огромным шаром на конце несуразно гнется к земле и выглядит карикатурно. После успеха серии производители рождественских деревьев запустили линейку елок Чарли Брауна. Здесь говорится об этом мерче.

терпела неудачу. Они снова начинают виться.

Назарет, один из членов нашей небольшой компании, выскакивает из леса и взбирается на кирпичную стену. Гадая, простила ли я его, он вопросительно поднимает брови. Мне уже грустно, что Лео и другие друзья закончили обучение в прошлом году и больше не будут ходить с нами в школу, а знать, что я буду одна там в следующем году, – это отстой.

Назарет – это умная сверхновая личность, и он будет брать уроки в колледже онлайн, чтобы дополнить свое школьное образование. К сожалению, в этом году у нас только два общих предмета. Он даже не будет обедать со мной. Какая-то часть меня всерьез разозлилась на предателя. Да, я понимаю, это лучшее для него решение, поэтому мне лучше быть пассивно-агрессивной, пытаюсь сдерживать гнев, пока Назарет не купит мне тако⁴ в знак раскаяния за свой плохой для меня, но хороший для него выбор.

Последние три года были лучшими в моей жизни. Теперь все меняется, и не в лучшую сторону. Когда становится ясно, что я надулась, Назарет пожимает руку Лео.

– Эй.

– Не знаю, как долго мы здесь пробудем. Сазерленд и его друзья уже поднимаются наверх, – Лео тычет большим пальцем в их сторону, а затем достает из кармана мобильник, без сомнения посылая сообщение Джесси, чтобы узнать, начал

⁴ Тако (*исп. taco*) – традиционное блюдо мексиканской кухни. Тако состоит из кукурузной или пшеничной тортильи с разнообразной начинкой.

ли он свое восхождение, так как популярные люди могут разрушить наши планы на вечер.

Звонит мой сотовый. Определитель номера сообщает мне, что это Глори, старшая кузина Джесси и городской экстрасенс. Она помогает мне избежать моей судьбы, но я избегаю ее, поэтому отклоняю вызов.

– Я начал собираться в колледж, – говорит Лео, убирая свой мобильник в карман, и мой желудок сжимается. Скоро Лео будет в двух часах езды, и, хотя он обещает, что мы будем все время тусоваться, я ему не верю. Когда он этим летом отправился в трехнедельный лагерь для своего колледжа, я не получила ни одного сообщения от него. Обычно, покидая этот город больше чем на месяц, люди сюда не возвращаются.

Вместо того чтобы смириться с неизбежным, я вмешиваюсь, обрушивая новости на Назарета.

– Сойер Сазерленд переехал вместе с мамой и сестрой в квартиру на первом этаже.

Назарет не очень-то разговорчив. Он тоже не склонен проявлять свои эмоции, но все же его глаза расширяются. Он был моим лучшим другом так долго, что я практически могу читать его мысли. *«Один из самых популярных парней в школе живет в доме девушки, которая была самой странной в последнем опросе учащихся Тиллман Хай?»*

– Да я знаю. Невероятно, правда? – Я делаю смешное лицо, кривя рот и скосив глаза. Уголки губ Назарета поднима-

ются вверх.

– Ты слышала, что случилось с рукой Сойера? – спрашивает Лео.

Нет. Школьные сплетни – не мой конек.

– Полагаю, гипс означает, что он ее сломал.

– О том, как он ее сломал. Он сказал всем, что поскользнулся у бортика бассейна в ИМКА.

– Так он судится с ними?

– Нет, Сойер солгал маме и доктору. Он не поскользнулся в бассейне, и его друзья знают это, но он никому не расскажет, что произошло. И все покрывают его, но хотят знать, как Сойер получил перелом.

Это интересно, но ничего примечательного. Сойер Сазерленд известен тем, что ходит по лезвию в поисках хорошего времяпрепровождения. В этом случае карма просто укусила его за симпатичную попку.

– Давайте вернемся к настоящей теме разговора. Этот парень теперь живет в моем доме. Разве это не обязывает нас разговаривать? Раньше это не было неловко. Мы были двумя людьми, которые разделяют букву С в списке фамилий, но теперь игнорировать друг друга будет странно.

– Держись от него подальше, Ви, – говорит Лео. – Такие парни, как он, не умеют ценить таких девушек, как ты.

Такая девушка, как я. Перевод: неудачница. Однажды Лео совершил ошибку, назвав меня неудачницей. Я не разговаривала с ним целую неделю.

«Неудачница» предполагает, что я никуда не вписываюсь. Но на самом деле это не так. Я просто не очень хорошо лажу с другими людьми, и это нормально, потому что я прекрасно лажу сама с собой.

В этом смысле Назарет и я – родственные души. Ни один из нас никогда не изменит своей натуры в бесплодных поисках новых друзей. Нам достаточно быть самими собой.

Как и у меня, у Назарета есть свой собственный стиль. Недавно мать подстригла ему длинные волосы и уложила их по бокам. Теперь у него шипастый ирокез. Он мускулистый парень, носит черные очки в толстой оправе, которые скрывают его темно-зеленые глаза, и он выше меня, но кто нет? На руках у него целая вереница татуировок. Не совсем обычное явление для подростка, но что еще более интересно, так это то, что каждая из них была сделана дома его матерью.

– Ты единственная в своем роде, Ви, – говорит Лео. – Ты заслуживаешь большего, чем ставить себя рядом с посредственностью, а этот парень такой же особенный, как чистый лист бумаги. Он не поймет тебя и, если ты попытаешься подружиться с ним, превратит твою жизнь в сущий ад, будет любезничать с тобой, а потом говорить всякую чушь за твоей спиной. Именно так делают его «друзья».

В его голосе слышится горечь. Лео мог бы вписаться, если бы захотел. На самом деле он привык приспосабливаться но однажды в средней школе ни с того ни с сего, он перешел от переполненного людьми обеденного стола к моему одино-

кому столу и сел напротив. Тогда моя жизнь изменилась. К лучшему, и я ему очень благодарна.

Звук гальки, отскакивающей от пола пустого санатория, заставляет всех нас повернуть головы. Я напрягаю зрение, чтобы заглянуть в темноту, страстно желая увидеть тени фигур, о которых люди говорили в интернете. Лео подходит ближе к окну и широко улыбается мне.

– Хочешь пойти со мной?

Я бы с удовольствием, но надоедливое хихиканье снизу удерживает меня на месте. Качаю головой, и Лео исчезает в темноте за окном от пола до потолка.

Честно говоря, он мог бы стать шикарным примером для подражания для крутых парней. Какая-то часть меня верит, что именно таким он станет в колледже, и именно поэтому забудет меня. Теперь, когда Лео был на безопасном расстоянии, я наконец-то выдохнула. Назарет бросает на меня обеспокоенный взгляд и садится рядом на место Лео.

– Как поживаешь? – спрашивает он в своей обычной спокойной манере.

Только мои самые близкие друзья знают, что боль – это часть моей жизни. Как, например, руки и ноги, прикрепленные к телу. Но сегодня хороший день, и уровень боли минимален. Больше похоже на тень воспоминания о том, чем она могла бы быть.

– У меня нет мигрени.

– Я не об этом спрашиваю. – Назарет переводит взгляд с

меня на то место, где исчез Лео, и у меня начинает болеть в груди.

Я влюблена в Лео, а Лео ничего не знает. Но Назарет знает. И Джесси тоже. Иногда я задаюсь вопросом, так ли хорошо у меня получается скрывать свои эмоции от Лео. А в другие дни думаю, не ослеп ли он.

– Я не хочу, чтобы он уезжал.

– Ты хочешь, чтобы он остался?

Вместо ответа отрицательно качаю головой. Я бы никогда никому не подрезала крылья. Назарет похлопывает меня по коленке, и я наклоняюсь, положив голову ему на плечо. Он как то мое защитное одеяло, которое я таскала с собой, когда была ребенком. Я не влюблена в него, и он не влюблен в меня, так что нам легко и безопасно друг с другом.

Божья коровка ползет по разросшемуся кустарнику рядом с нами, и ясно, что она направляется к паутине. Назарет, конечно же, протягивает руку и позволяет божьей коровке забраться по его пальцу, прежде чем осторожно переместить ее на каменную стену рядом с собой. Я улыбаюсь; в нем есть такая нежность, какой, я уверена, нет ни в ком другом. Он буквально живет фразой «Не навреди».

– А как насчет природного баланса? – спрашиваю я. – Разве ты только что не заморил паука голодом?

– У паука уже есть еда, и еще один прием пищи готовится. Ей не нужна третья жертва.

Назарет не только знает, как отличить самца паука от сам-

ки, но и заботится о божьей коровке, чтобы спасти ее.

Конечно же, паук плетет паутину вокруг борющейся мухи, и есть еще одна муха, пойманная в липкое гнездо и ожидающая своей очереди.

Боль словно ледорубом пронзает мой мозг, отчего я закрываю глаза и морщусь.

– Ви? – беспокойство слышится в тихом тоне Назарета.

Хотя боль все еще отдается в моем черепе, я заставляю себя поднять голову и улыбнуться своему другу.

– В чем дело?

– Ты вздрогнула.

– Я зевнула.

В глазах двоится, и проходит какое-то время, прежде чем мир снова обретает привычные очертания. Вот почему я отказываюсь садиться за руль. Я говорю папе, что нам просто не нужна дополнительная страховка, особенно когда живешь в центре маленького городка, где легко можно поймать попутку или прогуляться. Но на самом деле это потому, что такие головные боли могут ударить неожиданно, и я не хочу, чтобы когда-нибудь произошел несчастный случай.

Сомнение Назарета красноречиво выражается через сжатую челюсть, но он делает то, что мне нужно, – молчит и игнорирует ситуацию.

– У меня есть идея для нашей дипломной работы, – говорю я, игнорируя дрожь боли, прокатившуюся через мой мозг. – Это безумная идея, но мне она нравится.

– На меньшее я и не рассчитывал. – Потому что я сумасшедшая.

– Думаю, что мы сделаем наш проект о призраках. О городских легендах. Кентуккийских, если быть точнее. Он будет отвечать всем требованиям, которые мы должны выполнить. – Я вытягиваю палец, отмечая галочкой каждое из «правил» игры, созданных нашими учителями. – Нам придется провести обширные исследования, поэтому мы изучим легенды. Также съездим в районы, связанные с нашим проектом, и посетим места с привидениями. Мы должны провести интервью, так что...

– Ви, – перебивает меня Назарет, что делает крайне редко. Я замолкаю, и мне кажется странным, что он не смотрит мне в глаза.

– Ну что?

Он кладет руки на ноги, а затем соединяет пальцы вместе. С каждой прошедшей секундой мой желудок скручивает, как в стиральной машине.

– Из-за того, что у меня ускоренный график, они заставили меня сдать мою выпускную работу в прошлом году. Я думал, что мне позволят снова написать ее и мы будем партнерами, но они сказали «нет». Я должен сосредоточиться на своих курсах в колледже. Мне очень жаль, Ви. Я помогу тебе, если хочешь, но...

Но проект требует, чтобы мы работали в группе от двух до четырех человек, и Назарет не может. Я громко втягиваю

воздух, потому что опустошена. Джесси окончил школу и сосредоточился на своей ферме, Скарлетт уже учится в колледже, Лео уезжает, и Назарет тоже может уехать. Случилось худшее. Я скоро останусь совсем одна.

Сойер

Прошло уже несколько недель с тех пор, как меня выписали, и я чертовски взвинчен. Оглядываю огромное чудовищное здание в поисках чего-нибудь, что могло бы произвести на меня впечатление. Чего-нибудь такого, что отвлечет меня от мысли о том, что завтра снимут гипс и уже ничто не помешает мне отыскать свой кайф.

Но вот в чем загвоздка с кайфом: я хочу его так же сильно, как и не хочу. Чувствуя постоянное давление и тягу к нему, я всегда оказываюсь в проигрыше. Я не хочу поддаваться искушению, обманывать и подвергать себя опасности. В то же время одна только мысль о нем расслабляет мои всегда напряженные мышцы, и если бы этого было достаточно, то жизнь стала бы просто божественной.

Не буду лгать: отчасти причина, по которой я предложил всем нам подняться сюда, состояла в надежде найти хоть что-то похожее на приход, но, к сожалению, адреналина недостаточно.

Ребята расходятся и направляются к лестнице, ведущей к парадной двери этого заброшенного заведения. Здесь со-

брались представители команд по плаванию и футболу, и они обсуждают сочетание бейсбола, футбола и чувства долга. Мигель, парень, с которым я лучше всего общаюсь, – самый упрямый из всех, и он ведет разговор.

Сильвия поднимается рядом со мной. Компанию ей составляет группа девушек, которые следуют за ней почти везде, куда бы она ни пошла. Сильвия настоящий лидер, как и моя мама. И я понимаю почему: в ней есть что-то такое, что притягивает меня, как свет, и именно поэтому она одна из немногих, кого я называю другом.

Я знаю очень многих людей. И многие люди знают меня. И, хотя меня можно назвать общительным, я считаю себя закрытым человеком.

Сильвия остается рядом со мной, пока ее друзья следуют за парнями через дыру, где раньше было оконное стекло. Она заправляет свои медово-светлые волосы, уложенные локонами, за ухо.

Как всегда, она хорошо выглядит. На ней дизайнерские джинсы и фиолетовый топ, который обтягивает все нужные места. Все это было куплено в день шопинга вместе с ее мамой, Ханной, моей мамой и Люси. Не совсем подходящая одежда для нашей вылазки, но вряд ли она знала, что мы найдем такие приключения, когда собиралась. В свою защиту скажу, что я никого не приглашал – это была мама, игнорирующая мою просьбу дать мне немного времени на распаковку вещей. Она считает, что мне нужно быть общитель-

ным двадцать четыре на семь, поэтому написала Сильвии, чтобы та привела мою «команду».

Хотелось бы, чтобы мама научилась отступать.

– Ты помнишь, как мы приехали сюда в девятом классе? – говорит Сильвия, когда мы поднимаемся по лестнице.

– Ты имеешь в виду, когда я выскочил из-за двери и напугал тебя до чертиков, а ты описалась?

– Я не описалась. – Она хлопает меня по плечу.

– Но ты же кричала.

Она смеется, потому что действительно кричала целых пять минут, а потом еще полчаса ее трясло. Я залезаю в окно первым, и Сильвия колеблется, поднимая то одну ногу, то другую, чтобы последовать за мной. Слабый вечерний свет струится из открытых окон, и все вокруг окутано жутковатой дымкой.

Наши друзья разбрелись по большому вестибюлю. Большинство девушек жмутся к парням, исследуя брошенные ржавые каталки. Кто-то включает фонарик на своем телефоне, и свет начинает танцевать по кафельному полу. Красные и черные граффити украшают грязные и облупившиеся штукатурные стены, и я смотрю дважды на то место в углу комнаты, где замечаю наручники.

– Значит, в этом году, – говорит Сильвия с тяжелым предчувствием, и эти вечно напряженные мышцы на моей шее еще больше напрягаются.

– Значит, в этом году, – повторяю я с той же тяжестью в

голосе и обыскиваю все вокруг в поисках чего-нибудь, что заставило бы мое сердце биться быстрее. Просто находясь рядом с этим зданием, люди нервничают, адреналин начинает бушевать в крови из-за страха, но я не могу найти даже намек на него. Это просто стены, полы, брошенное медицинское оборудование, шприцы, оставленные наркоманами, и безграничная фантазия.

Здесь нет ничего вроде призраков или демонов. Пожалуй, самое опасное в этом месте – столбняк от ржавого гвоздя или заражение бешенством от дикого енота.

Сильвия бьет по разбитому кафельному полу носком своих черных «Конверсов».

– У нас есть реальный шанс выиграть у смешанной команды штата по плаванию в этом году, но для этого нам нужны ты.

Она достаточно мила, чтобы не упоминать, что одна из причин, по которой мы не завоевали титул в прошлом году, когда у нас были все шансы, – это я: мне пришлось выбыть ближе к концу сезона по академическим причинам. Стыд за то, что я подвел свою команду, потому что не смог сохранить достойные оценки, разъедает меня изнутри.

– Слушай, – говорит она с сочувствием, – я знаю, что английский тебе не по зубам.

Чтение – это тяжело. Я могу получить пятерку по математике с закрытыми глазами и плотно надетыми наушниками, но чтение – это все равно что быть выброшенным посреди

Японию и ждать, что я начну бегло говорить на японском на следующий день.

– Я тут подумала, что если нам взять совместный класс английского, то тебе, мне и Мигелю следует работать вместе над нашим проектом.

Короткий сухой смешок – вот мой ответ.

– Я не буду учиться в твоём классе английского.

Они учатся в продвинутых группах. А я – нет, если не считать математики.

– Это безумный мир, – Сильвия удивленно вскидывает брови, – никогда не знаешь, что может случиться.

– Эй, – Мигель идет прямо к нам, – вы вдвоем идёте дальше или слишком испугались?

– Сильвия боится, – говорю я, на что Сильвия снова толкает меня в плечо, и я пригвождаю её взглядом. – Ты просто боишься.

Она смотрит на меня в ответ, потому что так оно и есть.

– Не все мы родились без гена страха. Что, кстати, очень странно. Я думаю, нужно провести генетическое тестирование, чтобы понять, как такое возможно.

Это правда.

– Я подслушал, как вы обсуждали английский, и знаю, к чему это приведет, – говорит Мигель. – Ты не украдёшь Сойера, Сильвия. Он собирался быть в моей группе.

Этот разговор бесполезен, так как я не буду в их классе.

– Ты будешь в моей группе, и Сойер тоже, – говорит Силь-

вия, – вы оба пропадете без меня. Первые три месяца работы над проектом вы бы провели за разговорами о видеоиграх.

Неужели она не заметила, что я не был ни на одной доске почета с тех пор, как переехал сюда?

– С Мигелем тебе будет лучше, чем со мной.

– Вы это слышали? – Мигель бросает взгляд на друзей Сильвии, и, когда Джада встречается с ним взглядом, криво усмехается. Его глубокий и вкрадчивый голос заставляет ее наклониться вперед. – Тебе лучше быть со мной, *mi alma*⁵.

Мигель говорит на двух языках, а девушки падки на испанские сладкие словечки, которые он роняет. Мигель называет это своим латинским шармом. Я же говорю ему, что он просто полный говнюк. Он обычно смеется, а потом соглашается.

Сильвия делает вид, что ее тошнит, когда она прижимает мобильный к себе после вспыхнувшего уведомления.

– А вы двое не могли бы пойти поцеловаться в темном углу и спасти остальных от необходимости быть свидетелями этого жуткого зрелища?

Джада и Мигель смеются. Они безостановочно флиртуют с самого выпускного вечера.

Мигель и его старшая сестра Камила – американцы во втором поколении. Его отец приехал в Америку из Мексики еще ребенком, а мать Мигеля приехала сюда по студенческой визе в колледж. Они встретились, влюбились, поженились и те-

⁵ Моя душа (исп.).

перь успешно управляют бизнесом «мы-устроим-вам-день-рождения».

– А что ты думаешь о новой квартире? – спрашивает Сильвия.

Вопрос адресован мне, поскольку я единственный в настоящее время живу в арендованной квартире. Одна из проблем, когда твоя мама – лучшая подруга матерей твоих друзей, заключается в том, что они все слишком много знают о твоей жизни, в то время как ты сам предпочитаешь лишний раз не открываться. Хотя это может работать и в противоположном направлении. Иногда информация, которую я скрываю, волшебным образом выплескивается на маму.

– Она нормальная.

– Наши мамы сегодня вечером куда-то уходят, – Сильвия сосредоточилась на своем сотовом, печатая комментарий к чьей-то фотографии. – Надеюсь, сначала они закатят вечеринку у меня дома. Твоя мама – настоящая бунтарка.

Да. Бунтарка. Мамины планы говорят о том, что мне придется уйти отсюда, чтобы смотреть за сестрой, пока мама будет отжигать в городе.

Теперь Сильвия улыбается Мигелю.

– Сойер сказал тебе, что живет в квартире под Вероникой Салливан? От одной мысли об этом у тебя мурашки бегут по коже, не так ли?

– Ни хрена себе, – говорит Мигель. – Ставлю двадцать долларов на то, что на заднем дворе спрятаны трупы.

– Она уже сделала что-нибудь безумное? – Сильвия кричит лицо в притворном ужасе. – Ела живых летучих мышей у тебя на глазах? Запекала печенье из маленьких детей? Эта девушка – сумасшедшая из семейки Адамс.

– Пока нет, но я нашел кое-что в комнате Люси. Это дневник или что-то в этом роде. – Я достаю бумаги, которые до сих пор держал в заднем кармане. – Вероника Салливан? Вот кто живет надо мной? Та странная девушка?

Как раз в тот момент, когда Сильвия собирается протянуть руку, чтобы взять у меня толстый сверток бумаги, она бросает взгляд через мое плечо, и ее глаза расширяются от страха. Я резко разворачиваюсь, наполовину ожидая увидеть кого-то с мачете в руках, и на какое-то мгновение замираю, ощущая вкус начинающейся лихорадки.

Там нет мачете, но снаружи вдоль крыльца медленно движется тень.

– Технически, – раздается музыкальный голос из темноты, и я узнаю его, но не могу вспомнить откуда. Тень ступает на карниз оконного проема и заслоняет свет уходящего солнца. Мой желудок сжимается, когда я представляю, что может случиться. Но прямо передо мной возникают короткие светлые кудри, красивое лицо и пронзительные голубые глаза, – ты живешь подо мной.

К черту меня, это Вероника Салливан.

– Есть ли еще что-нибудь, что вы хотели бы сказать обо мне? – продолжает она. – Потому что правильное всего было

бы сказать это мне в лицо.

Вероника молча смотрит на нас и ждет. Она не входит в здание, а остается на подоконнике. Она достаточно смелая, чтобы посмотреть Мигелю прямо в глаза, потом Сильвии и, наконец, мне.

– Мы ничего такого не имели в виду... – начинает Сильвия.

– Мне все равно. – Голубые глаза Вероники так холодны, что я удивляюсь, как наше дыхание не вырывается белым облаком, как на морозе.

Должен признать, что не так уж много людей могут заставить меня чувствовать себя дерьмово, но ей это удалось, и странное ощущение возникло от одного взгляда совершенно незнакомого человека.

– Где ты их взял? – Она тычет подбородком в сторону бумаг в моей руке. Судя по ее тону, она явно разозлилась.

И без того удушливый свет еще больше тускнеет, когда в проеме рядом с ней появляется еще одна тень. Назарет Кравиц прислоняется спиной к раме и смотрит на нас так, словно ему скучно. Шестое чувство подсказывает мне, что он на самом деле оценивает меня, будто перед дракой, и это странно, потому что, по слухам, он один из тех людей, которые за мир любой ценой.

– Лео прислал сообщение, – говорит Кравиц. – Он был на третьем этаже и сказал, что у нас намечаются гости.

Она смотрит на него, и я понимаю: что-то в его словах

беспокоит ее.

– И что это должно означать? – спрашиваю я.

– Откуда у тебя эти бумаги? – снова спрашивает Вероника.

– Я их нашел.

– Где? – Она толкает меня.

– Какие-то проблемы? – голос Кравица становится низким.

Прежде чем она успевает ответить, они вместе резко поворачивают головы к парковке у главной дороги.

– Полиция уже здесь! – кричит кто-то, и кровь ударяет мне в голову.

Остальные бросаются к выходам, и звук бегущих шагов по кафельному полу громко отдается в ушах.

Мигель и Сильвия быстро исчезают в ближайшем проеме.

Кравиц неторопливо спрыгивает с помоста, и я снова смотрю на Веронику. Она все еще стоит там, наблюдая за мной своим ледяным взглядом, совершенно не обращая внимания на то, что все остальные спасаются бегством.

– Соьер! – кричит Сильвия. – Идем отсюда! Людей, которых здесь ловят, арестовывают

Да, это правда, но Вероника остается на своем месте, словно бросая мне немой вызов. Как будто дает понять, что в состязании по стрессоустойчивости она победит. Правда? Чем дольше она здесь остается, тем сильнее моя кожа вибрирует от этого сладкого порыва. Я хочу принять ее вызов,

это адреналиновое испытание.

– Соьер! – кричит Мигель. – Идем отсюда!

– Наши родители разозлятся, если нас поймают! – Сильвия тянет Мигеля за руку, и ее взгляд устремляется на меня.

Мама.

Люси.

=Я за них отвечаю.

Сильвия.

Мигель.

=Я должен делать то, чего от меня ждут.

=Но я не хочу отворачиваться.

Черт.

Вероника наклоняет голову в мою сторону с понимающей ухмылкой, которой я завидую. Такая же, что растягивает мое лицо всякий раз, когда я стою на краю обрыва, которая появляется, когда сердце бьется так быстро, что, кажется, вот-вот вырвется из груди. Мой кайф.

Ее ухмылка – подтверждение: она выиграла этот раунд, и это вызывает уважение. Не знал, что у этой девчонки стальные яйца.

Я проигрываю в гляделки Веронике и вылетаю в окно. Одинокий вой сирены – единственное предупреждение от копов, что они уже в пути. Теперь я бегу и очень быстро. Быстрее, чем Сильвия и Мигель. Так быстро, что догоняю

их и теперь лидирую на пути вниз.

Когда мы оказываемся достаточно далеко, в безопасности густой листвы, я поворачиваюсь и с благоговением смотрю вверх на маячащее серое здание. Два полицейских поднимаются по ступенькам, а затем три фигуры лениво спускаются с кирпичного крыльца на противоположной стороне. У одной из них светлые кудри. Это Вероника, Кравиц и Уиллинг. Все они идут так, словно прогуливались по парку, а не были преследуемы полицией. Вероника, кажется, меньше всех взволнована происходящим.

Ни беспокойства.

Ни страха.

Одно только мужество.

=А вот это уже впечатляет.

Вероника

– Новые жильцы уже переехали сюда? – голос папы доносится из моего мобильного.

Уже поздно, и мое зрение затуманилось от усталости. После того, как один из друзей Сойера Сазерленда решил повеселиться и оказался настолько глуп, что поднял тревогу и вызвал полицию, Назарет, Лео и я разъезжали по городу с опущенными окнами и ревущей из них музыкой. Конечно, Назарет есть Назарет, и он увидел бездомного щенка с ошейником, после чего нам пришлось искать хозяев, но это же весело – стать героем на несколько минут.

После этого они высадили меня в магазине «Сейв Март», где я работаю помощником менеджера, чтобы помочь закрыть кассу, так как один из сегодняшних сотрудников ушел пораньше с желудочным гриппом. Мы с отцом всегда крутимся ради заработка, и, поскольку папа готовится к тому дню, когда моя болезнь заставит его бросить свою работу и все время заботиться только обо мне, он вкладывает большую часть наших средств в сбережения. Я делаю все, что могу, чтобы добавить денег в эту копилку.

Папа за рулем и поэтому говорит со мной по громкой связи, а я сижу за столом в нашей гостиной и роюсь в папках с документами в поисках дневника Эвелин. Это копия из библиотеки на севере штата Нью-Йорк. Точнее одна из них. Мама услышала о ней и сделала запрос, и работники библиотеки оказались достаточно милы, чтобы прислать ее. Это та самая копия, которую я видела сегодня вечером в руках Сойера Сазерленда, и я понятия не имею, как она оказалась у него.

Эти бумаги были надежно спрятаны в сундуке в моей комнате. Никто не знал, что я держу там дневник, даже папа. Я перевернула весь дом в поисках копии, надеясь вопреки всему, что, кроме меня, Сойер – единственный человек в мире, у которого она есть. Эта загадка сводит меня с ума: как Сойер добрался до моей расшифровки дневника Эвелин?

– Ви, – говорит папа, – я спросил, закончили ли новые жильцы переезд?

– Наверное. – Я запикиваю все бухгалтерские документы по бизнесу отца обратно в ящик стола.

Расслабившись на круглом подоконнике и слушая, как мы с папой болтаем, мама смотрит куда-то в глубину ночи. Она спокойна, как будто в мире нет никаких проблем. Жаль, что я не могу почувствовать это хотя бы на тридцать секунд.

– Что-то я не вижу, чтобы они тащили еще какие-нибудь коробки, – говорит мама.

Мы с папой очень близки. Наши отношения ближе, чем у

большинства детей и родителей, судя по разговорам в школе, но мне не хочется говорить ему, что парень, который переехал вниз, смеялся надо мной. Как бы мне ни было неприятно это признавать, но слова его друзей задели меня. И да, папа убьет его за то, что он расстроил меня, и это будет отстойно – навещать папу в тюрьме.

– Все газовые квитанции официально сканируются в компьютер и регистрируются, – говорю я.

– Спасибо.

Папа кажется таким же сонным, как и я. Он проводит много часов в дороге и почти не берет обязательный отпуск, на котором настаивает правительство. На заднем плане я слышу телевизор в спальном отсеке его кабины.

Папа рассказывает мне об официанте, который обслуживал его в закусочной на стоянке грузовиков, заставляя меня смеяться. Пока он говорит, проверяю свою школьную электронную почту и нахожу ответ от учителя.

До этого я вежливо попросила разрешения сделать свой исследовательский проект самостоятельно. Она ответила коротко, просто и по существу:

Нет. Одна из целей этого проекта – научиться работать с другими людьми. Это очень важный навык, который вам понадобится в будущем.

Я не согласна. Абсолютно. У меня нет никаких намерений связывать свое будущее с какой-либо коллективной работой.

– Ты внесла чек за аренду? – спрашивает папа, выводя

меня из меланхолического состояния.

– Да.

– Ты можешь составить таблицы для наших новых жильцов? Не сегодня, завтра, например, ведь тебе тоже нужно выспаться.

Я их уже сделала. Аренда, коммунальные услуги, непредвиденные расходы...

– Да, я поняла.

– Ты включила сигнализацию?

– Да. Дома я в безопасности, пап, и со мной все в порядке.

Повисает какое-то волнительное молчание, но меня оно несколько не смущает. В конце концов папа прочищает горло, и его голос звучит грубее обычного:

– Я люблю тебя, орешек.

Мое сердце согревается от его слов.

– Я тоже тебя люблю.

Он вешает трубку, а я устраиваюсь в удобном кресле на колесиках из искусственной кожи и с высокой спинкой. Многие ребята моего возраста скорее всего испугались бы, останься они ночью одни в большом доме. Но с тех пор, как мы переехали сюда – а тогда мне было одиннадцать, – темнота меня не пугает. На самом деле в темноте ночи есть свое утешение. Она похожа на мягкое тяжелое одеяло. На объятия мамы.

Я кручусь в кресле, думая, что мне нужно найти кого-то для своего проекта. Кого-то с машиной, с кем будет легко

встретиться, и кто охотно будет работать со мной, а еще будет полностью согласен с тем, что я хочу исследовать. Эта тема для меня – весь мир, буквально жизнь и смерть.

Мой мобильник вибрирует, и я смотрю на текст.

ГЛОРИ: «Тебе нужно связаться со мной. Я вижу в твоём будущем вещи, которые меня волнуют».

Меня тоже волнуют некоторые вещи относительно моего будущего.

Краем глаза замечаю какое-то движение. Тень. Я едва различаю размытое пятно, и оно устремляется из гостиной к лестнице, ведущей в фойе на первом этаже. Мое сердцебиение ускоряется. Уже за полночь. Это время, когда дом оживает. Без сомнений, я не видела детей с тех пор, как сама была ребенком, и жажду увидеть их снова.

Я встаю со своего места и медленно иду следом за странным движением. Нажимаю несколько кнопок, и сигнализация отключается. Открываю тяжелую деревянную дверь, отделяющую меня от остального дома, и с верхней площадки лестницы осторожно смотрю вниз, вглядываясь в темноту.

Слабый свет пробивается сквозь толстое витражное стекло над главной входной дверью, отбрасывая тени на коридор. Тут же воцаряется тишина. Такая громкая, что у меня даже болят уши.

Дети легко пугаются, поэтому я ползу вниз по лестнице,

изо всех сил стараясь аккуратно распределить свой вес при каждом шаге, чтобы старые ступени не скрипели и не стонали.

Интересно, что видят дети, когда резвятся вокруг этого старого дома? Видят ли они этот дом таким, каким он был при их жизни? Неужели они потерялись в своих счастливых воспоминаниях? Потому что именно на это я и надеюсь – на смерть, затерянную в радостном сне.

Я прислоняюсь спиной к стене, закрываю глаза и прислушиваюсь. В это время ночи, именно в это время, я слышу их легкие шаги, постукивающие по твердой древесине. Иногда мне везет, и я слышу их хихиканье, а в редкие ночи, когда была младше, мне предлагали уникальную драгоценность – увидеть нечто большее, чем просто подол платья.

Я делаю глубокий вдох. Энергия дома окружает меня, и пронзительный детский крик разрезает тишину ночи.

Сойер

Вторник, 1 января:

Хорошо, дневник, я представляюсь. Меня зовут Эвелин. Мне уже 16 лет. У меня туберкулез, и в настоящее время я нахожусь в санатории «Рей Брук», пытаюсь вылечиться. Ты должен хорошо хранить мои секреты, потому что я расскажу тебе то, о чем никто не должен знать.

Эвелин Баллак, 1918 год

Девушка сидит за большим рабочим столом и что-то записывает в дневник. Я стою в дверях, наблюдаю, слушаю, смущенный выражением счастья на ее лице. Оглядываю коридор и вижу измученных докторов, измученных медсестер, смертельно худых людей, расхаживающих взад и вперед по коридору. Кто-то кашляет. Это рваный, гортанный и отчаянный звук. Как будто кто-то тонет на суше. И все останавливаются и оборачиваются на шум.

Какой-то мужчина, спотыкаясь, выбегает из своей комнаты, чуть не налетая на меня, и я инстинктивно отшатываюсь и оказываюсь в комнате девушки. Мое сердце колотится в

горле. Мужчина держится за грудь, царапая ее, как будто заставляя работать как нужно. Но он продолжает кашлять, делает маленький рваный вдох, а затем падает на пол.

Он болен. Они все здесь больны. Они были посланы сюда умирать, и я снова поворачиваюсь к девушке, а она все еще пишет и по-прежнему улыбается.

– Разве тебе не сказали? – спрашиваю я.

Девушка смотрит на меня снизу вверх и моргает, словно в замешательстве.

– Что сказали? – Ее интонация причиняет мне боль.

Что ты не можешь быть счастлива. Ты же умираешь. Я должен ей сказать. Кто-то должен ей сказать. Но почему это должен быть именно я?

Крик. Такой громкий, что все вокруг останавливаются. Они оборачиваются и смотрят на меня. Врачи, медсестры, пациенты, человек на полу. Их глаза широко раскрыты, рты тоже, как будто крик резонирует от всех них, но это один звук, один ужасающий вопль – и реальный мир врезается в меня.

Люси.

Мои глаза открываются, и я вскакиваю с матраса, лежащего на полу моей новой комнаты. Дневник Эвелин падает с моей груди.

Адреналин бурлит в венах. Кто-то причиняет боль моей сестре. Ее крик на мгновение обрывается, но через секунду снова разрезает пространство. Я пролетаю через свою ком-

нату, хватаю бейсбольную биту у двери и закидываю ее на плечо, когда врываюсь в спальню сестры.

Кровать принцессы с белым прозрачным балдахином установлена в центре. Подушки, розовые простыни и одеяло откинута назад, но моей сестры нет. К горлу подкатывает тошнота, и я борюсь с накатывающим на меня головокружением.

– Люси!

Шаги позади меня, снова шаги, и я резко оборачиваюсь в поисках угрозы. Но там никого нет. Темнота. Лишь слабый свет льется из коридора, ведущего в мамину спальню.

– Люси!

Крики. Крики моей сестры. Душераздирающие крики. Отчаянные! И паника, завладевшая всем моим существом, заставляет чувствовать, что я схожу с ума.

– Люси, ответь мне!

Дверь нашей квартиры хлопает о стену, и я подпрыгиваю. В проходе проносится тень, и я инстинктивно бросаюсь в погоню. Выбегаю в фойе, мои ноги стучат по полу. Боль отзывается в груди при виде еще одной тени, спускающейся по лестнице, и безумие в моей голове нарастает.

– Люси, ответь мне сейчас же!

Входная дверь дома распаивается настежь, в комнату вливается свет уличных фонарей, и сердце замирает при виде сестры. На ней длинная ночная рубашка, черные волосы спутаны, лицо красное. Она тяжело дышит, и слезы текут по

ее щекам. Оказавшись у самого порога, Люси начинает выходить, и, когда рев, призывающий ее остановиться, вырывается из моего горла, тень на лестнице подскакивает к моей сестре.

Сердце замирает, Люси кричит, и я бегу, крепко сжимая пальцами битую с намерением убить. Затем перед сестрой возникает ореол красоты, и я резко останавливаюсь. Короткие локоны, нежные руки на трясущихся плечах сестры и тот музыкальный голос, который я слышал ранее сегодня – это не выговор, а успокоение.

– Все в порядке. Ты в порядке. Просто сделай глубокий вдох. Ты можешь это сделать. Попробуй сделать это со мной.

Люси задыхается, пытаюсь дышать, а Вероника нежно перебрасывает ей волосы через плечо.

– Хорошо-хорошо. А теперь попробуй еще раз. Ты можешь назвать мне свое имя?

– Это Люси, – говорю я, опуская бейсбольную битую. Осматриваю фойе, коридоры и тени. Волоски у меня на шее встают дыбом, предупреждая об опасности. Инстинкты гудят, что есть глаза – невидимые глаза, – которые пристально смотрят на меня.

– Привет, Люси, я Вероника. Куда это ты так торопишься?

Люси трясется с головы до ног и пытается вырваться из рук Вероники, но девушка не сдаётся. Я благодарен ей за это, потому что могу немного прийти в себя, прежде чем подойти к ним. В воздухе витает что-то жуткое. Шестое чувство

подсказывает мне, что что-то не так и здесь есть нечто, с чем я должен бороться.

– Отпусти меня! – Люси визжит, и это на нее не похоже. Она снова начинает плакать, и ее тело сотрясается от рыданий. – Мы должны идти! Оно приближается! Чудовище приближается!

– Тебе приснился кошмар? – спрашиваю я и, хотя нахожусь всего в нескольких шагах, снова оглядываюсь через плечо на нашу новую квартиру, которая почему-то выглядит темнее, чем несколько мгновений назад.

Рыдания прекращаются, как будто кто-то щелкнул выключателем, и от этого мои легкие ужасно сжимаются. Как будто та же самая энергия, которая только что пульсировала в Люси, теперь атакует меня. Лицо сестры становится бледным и напряженным, а моя спина зудит так, словно меня вот-вот застрелят.

– Что случилось, Люси?

Моя сестра методично наклоняет голову в сторону тротуара, как будто уже знает, что увидит, но приходит в ужас, столкнувшись лицом к лицу с действительностью. Вероника бросает взгляд в том же направлении, потом вскакивает. Ее рука соскальзывает с плеча Люси к локтю, и она, крепко сжав его, тянет сестру прочь от двери. На цыпочках, с битой наготове, я быстро приближаюсь.

Вероника сажает Люси на бедро, накрывает ладонью ее голову, словно защищая от того ужаса, который подстерега-

ет ее, и бросается вверх по лестнице. Я проталкиваюсь мимо них, охотно становясь их первой линией обороны, а затем отворачивание пробегает по моему телу при виде фигуры, спотыкающейся на ступеньках крыльца. Она падает, затем слышится глухой удар тяжелого тела об асфальт, и, выругавшись вслух, бросаю битую через крыльцо.

Это не чудовище. По крайней мере, не то, что было в кошмарах Люси. На земле лежит моя мать. Она перекатывается на спину, ее волосы закрывают лицо, а хихиканье перерастает в истерический смех. Я ненавижу, когда она гуляет со своими друзьями, потому что именно такой возвращается – пьяной.

– Все в порядке, – кричу я, но голос мой звучит как-то неуверенно. Похоже, я разозлился.

– И кто же это? – спрашивает Вероника.

Не так должно было начаться это знакомство.

– Моя мама.

Вероника ничего не говорит. И я тоже. На это трудно найти достойный ответ.

Смех моей мамы утихает, и это не предвещает ничего хорошего. Она стонет, и я знаю, что это значит. Было бы лучше, если бы мой гипс уже был снят, потому что есть вероятность, что ее стошнит, и, с моим-то везением, она будет блевать на меня. Гипс может промокнуть, а он сохраняет токсичные запахи.

Дрожащее дыхание Люси – признак того, что она успоко-

илась, но все еще расстроена из-за кошмара, с которого началось это фиаско наяву. У меня есть два человека, которые нуждаются в помощи, и, боже, помоги мне, но я не знаю, о ком позаботиться в первую очередь.

Оглядываюсь через плечо на Веронику, которая крепко обнимает мою младшую сестренку.

– Ты не могла бы проводить Люси в нашу квартиру?

На площадке между этажами, где лестница поворачивает, Вероника наклоняется, чтобы получше рассмотреть мою маму. Как раз вовремя, потому что в этот момент она перекачивается на бок, и ее начинает тошнить. Вероника поджимает губы, потом проводит рукой по спине Люси.

– Хочешь, я отведу Люси к себе домой? Я могу принести ей что-нибудь попить, включить телевизор, а у тебя будет время разобраться с... этим.

Хочу ли я принять ее предложение? Больше, чем хочу признаться, но гордость – капризный зверь, поскольку именно я забочусь об этой семье. И эту работу папа оставил мне.

– Обещаю, что не буду печь из нее печенье, – спокойно говорит Вероника, и мои плечи опускаются при воспоминании о собственных словах и осознании, какой же я придурок. – У меня уже было несколько девочек на ужин, так что я еще не скоро проголодаюсь.

Я заслужил это, но мне невыносимо смотреть на Веронику, когда принимаю ее предложение:

– Было бы здорово, если бы ты взяла с собой Люси.

Делаю глубокий вдох и поднимаю маму на руки. Из-за гипса мне гораздо тяжелее ее удерживать. Я слышу бормотание «добро пожаловать», когда несу маму через фойе в квартиру. Пинком захлопываю за собой дверь и направляюсь напрямик в ванную. Плечом включаю свет, сажаю маму на пол, и она едва успевает поползти до туалета, когда из нее выходят остатки ужина. Мама издает отвратительные звуки, а я убираю ее длинные светлые волосы назад, хотя она уже испачкала в рвоте несколько прядей, и собираю их резинкой в хвост. Сажусь на пол и прислоняюсь к холодной кафельной стене.

У меня никогда не было девушки. Я целовался с несколькими, но ни с одной не встречался. Это сводит мою маму с ума, но, возможно, данная ситуация и является причиной. Я не могу представить мир, в котором кому-то захотелось бы проводить время с любимым человеком подобным образом. Достаточно того, что приходится делать это для мамы.

Еще несколько рвотных позывов, и мама со стоном кладет голову на унитаз. Я вздрагиваю за нее: мы не убирались, когда переехали сюда сегодня утром, и кто знает, какие плотоядные бактерии остались на этом ободке от предыдущих жильцов.

– Прости меня, Соьер, – хрипло говорит она, – я и не думала, что выпью так много.

– Я же говорил тебе, что ты должна поужинать с нами вместо того, чтобы уходить куда-то.

– А что я могу сказать, кроме того, что ты прав?
Немного.

– Неужели все так пьяны? И если да, то как вы попали домой?

– Дженнифер позвонила в «Убер» и заказала всем такси.

А это значит, что мамина машина все еще стоит около ресторана или какого-то дома, где она ее оставила. Когда я тупо смотрю на нее в ответ, мама одаривает меня жалкой улыбкой.

– Мы отмечали день рождения Вивиан.

Но потом ее улыбка исчезает, и на глаза наворачиваются слезы. Я морщусь, потому что это не похоже на мою мать. Она очень счастлива, особенно когда в ее жилах течет алкоголь.

– И что случилось? – Я наклоняюсь вперед, гадая, не вырвет ли ее снова.

Мама закрывает глаза, сжимая их так сильно, что в уголках образуются гусиные лапки.

– Сегодня вечером мне сказали, что на моей карточке недостаточно средств, поэтому пришлось заплатить наличными. Я была так смущена.

Деньги никогда не были одной из тех проблем, с которыми мы сталкивались в нашей жизни.

– Кто-то украл твою карточку?

Она качает головой, прижимаясь к холодному кафелю.

– Твой отец не прислал чек на алименты.

Мой рот открывается от шока, но мое удивление быстро превращается в кипящий гнев.

– Что?

– За последние несколько месяцев он ничего не прислал. Я зарабатываю достаточно, чтобы содержать всех нас, и не хотела, чтобы вы, мои любимые дети, разочаровались в нем... Поэтому я ничего не сказала, но потом мне пришлось оплатить несколько непредвиденных счетов, ваши медицинские страховки, и я совсем забыла, что мне придется выплатить ипотеку за старый дом, а также первый и последний месяц аренды здесь. А затем еще были расходы, связанные с продажей дома и постройкой нового...

Мамин лоб покрывается испариной, а мой желудок начинает скручивать от ужаса и ярости, когда я пытаюсь понять, к чему она клонит. Тело мамы сотрясается от рыданий.

– Я и не подозревала, сколько положила на карточку и как сильно опустел счет. Боюсь, что чек за эту квартиру не примут. Наш домовладелец сказал, что его дочь скоро сдаст его на хранение. Все будет в порядке со следующей зарплатой, но... Мне очень жаль, Сойер. Простите меня...

И, когда мама открывает рот, чтобы сказать что-то еще, она резко поднимает голову, и ее снова рвет в унитаз.

Вероника

Брат Люси – полный придурок, их мама – ходячий кошмар, но сама Люси – яркая звездочка семьи. Увидев в углу гостиной мой старый кукольный домик, она быстро забыла о своих страхах. Она поиграла несколько минут, а теперь сидит за нашим высоким кухонным столом и, болтая ногами, с удивлением рассматривает комнату.

– Там очень много индеек.

– Да, есть немного.

Я выуживаю из шкафчика коробку крекеров. Это ведь то, что любят маленькие дети, верно?

– А кто их сделал?

– Я. Может быть, ты тоже хочешь сделать одну такую?

– Конечно!

Она улыбается мне, показывая свои молочные зубы. Открыв печенье, я вытаскиваю все для того, чтобы сделать бумажную индейку: цветную бумагу, карандаши, маркеры, клей и золотые блестки. Еще через несколько минут копаний в ящике с посудой я, наконец, нахожу безопасные розовые ножницы. Люси, кажется, довольна блестящими трубоч-

ками, которые она подносит к свету.

– Мне здесь нравится. Здесь лучше, чем внизу, – говорит она. – А почему у вас так много индеек?

– Я думаю, что лучше задать вопрос, почему не у всех на стене висят индейки.

Люси наклоняет голову, как будто мой ответ был глубоко-мысленным, а затем ест крекер. Крошки падают с ее губ.

– А сколько тебе лет? – спрашиваю я.

– Шесть, – говорит она сквозь зубы, – а сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Мой день рождения был в июле, – заявляет Люси с важным видом. – А когда твой?

– В мае.

– У меня только один брат и ни одной сестры.

– У меня вообще никого нет.

– Это так грустно. – И ее маленькие карие глазки выражают, насколько она серьезна. – Мне нравится мой брат. Он очень забавный.

Я в этом не сомневаюсь.

– Через несколько месяцев у меня будет новый брат или сестра.

Мои брови поднимаются вверх.

– Твоя мама беременна?

Люси трясет головой так быстро, что волосы падают ей на лицо.

– Нет. Новая девушка, с которой встречается папа, ждет

ребенка. Мама еще ничего не знает. Сойер сказал, что расскажет ей. Я рада, что не мне нужно делать это. Не люблю, когда мама плачет. Если она и плачет, то обычно в течение недели. Мама больше смеется по выходным, но только когда болеет. Мне это тоже не нравится.

Фантастика, наши новые жилыцы – это не просто кошмар, а настоящий адский кошмар.

– Так почему же ты так расстроилась сегодня?

Люси перестает жевать печенье и перебирает цветную бумагу, пока не находит коричневый цвет. Я поджимаю губы, и она замечает это.

– Что?

– Коричневый – прекрасный выбор, но зачем делать индейку как у всех? Почему бы не сделать твою индейку немного по-своему?

– Потому что индейки коричневые.

– Но это вовсе не обязательно.

– Но настоящие индейки коричневые.

– Может быть, они коричневые, потому что все постоянно твердят им, что они коричневые? Может, нам нужно перестать навешивать ярлыки на индеек и выпустить их на свободу?

Люси окидывает взглядом моих разноцветных индеек, а затем снова перебирает цветную бумагу.

Я выбираю синий цвет, и мы начинаем процесс в тишине. Когда я рву зеленую мягкую бумагу и приступаю к слож-

ному процессу скручивания концов, чтобы приклеить их к крыльям, Люси говорит:

– Сойер мне не поверит.

Я бросаю на нее короткий взгляд, потому что, если покажусь ей слишком заинтересованной, она замолчит. По крайней мере, так поступила бы я.

– Во что Сойер не поверит?

Звук ножниц, режущих бумагу, затихает, и я снова поднимаю глаза на Люси. Она пристально смотрит на меня. Белоснежная рубашка, черные глазки – большие и круглые.

– Ты мне все равно неверишь.

– А что если я все-таки поверю?

Она судорожно сглатывает, потом шепчет:

– Я видела призрака.

Я смотрю на нее еще несколько секунд, чтобы понять, насколько она серьезна. Не испытывает ли она меня? Или, может, ее брат подшучивает над ней, ведь об этом доме ходит так много слухов. Страх застыл в ее глазах, крошечные пальчики сжимают ножницы все крепче и крепче, и я понимаю, что она настроена абсолютно серьезно.

– Там была девочка. Как и я, только в платье. Оно выглядело странно.

– Почему странно?

– Я никогда не видела такого платья у других. Оно было длиннее. Ниже коленок.

– Она сделала тебе больно?

Ее лоб морщится, будто это был не тот вопрос, который она хотела услышать.

– Это был призрак.

– Да, но разве она сделала тебе больно?

– Нет. – Пауза. – Она меня напугала.

– А тебе никогда не приходило в голову, что ты могла тоже ее напугать? Я имею в виду, по словам моей мамы, девочка живет здесь уже давно, и она привыкла ко мне и папе, но ты, – я указываю на нее кончиком тюбика с клеем, – совсем новенькая. Как ты думаешь, что почувствует призрак, когда войдет в свою старую спальню? Он удивится! Ты сидишь там и кричишь. Я знаю, что сошла бы с ума на ее месте! Правильнее всего было бы представиться или хотя бы поздороваться.

Люси наматывает на палец ленту от своей ночной рубашки, затем засовывает ее в уголок рта и неосознанно покусывает.

– Но призраки – это страшно.

– Кто так говорит?

Она наклоняется вперед над столом, чтобы показать мне, что ситуация действительно серьезная.

– Все.

– Ну, мисс Люси, я здесь, чтобы сказать вам, что эти «все», о которых вы говорите, обычно ошибаются во многих вещах. И призраки – одна из них. Призраки – это всего лишь люди, которым пришлось покинуть свое тело, но они еще не готовы покинуть свой дом.

Уголки губ Люси опускаются, и от этого у меня все внутри сжимается. Я кладу бумагу и думаю, что мои пальцы теперь слишком липкие от клея, и если я дотронусь до Люси, то приклеюсь к ней навсегда.

– Что случилось?

– Я скучаю по своему дому.

Медленно выдыхаю, вспоминая свою первую ночь здесь, и как рыдала в объятиях матери, когда тоже скучала по дому.

– Мне очень жаль. Если тебе от этого станет легче, то здешние призраки не причинят тебе вреда. Я обещаю.

Глаза ее увлажнились, а щеки покраснели.

– А ты откуда знаешь?

Я быстро мою руки в раковине и встаю перед Люси. Она такая малышка и так сильно напугана, так невинна, что даже нехорошо скрывать от нее мою тайну.

Но в том-то и дело, что это моя тайна. Она никому не известна, и я хочу сохранить ее при себе. Но кто я такая, чтобы позволять этой бедной девочке мучиться от страха и незнания?

– Если я открою тебе мой самый сокровенный секрет, обещаешь никогда никому не рассказывать? И, если ты сохранишь его, я обещаю взамен позволить тебе приходить сюда, когда захочешь, делать столько поделок, сколько и не мечтала, есть мою еду и смотреть мой телевизор, пока я здесь.

Люси кивает, и думаю, что это лучшее, на что я могу надеяться. Я заправляю ей волосы за ухо, как это делала моя

мама.

– В этом доме есть призраки, и они не причинят тебе вреда. Я знаю это, потому что... – Смелее. Взбодрись. – Потому что моя мама – один из них. Она присматривает за нами, и я обещаю, что она никогда и никому не позволит причинить нам боль.

Выражение лица Люси смягчается, как будто она верит мне, и облегчение наполняет меня.

– Могу я открыть тебе еще один секрет? Я имею в виду, только часть из этого является тайной.

– О'кей.

– Я собираюсь взять эту тему про призраков для проекта по английскому языку, чтобы доказать всему миру, что они существуют. Я делаю это ради своего отца. Он не видит призраков, и, мне кажется, это потому, что его разум не верит в них. Но, когда я сделаю свой проект и докажу ему, что призраки реальны, он тоже увидит их.

– Мы можем показать Сойеру твой проект, когда ты закончишь? – спрашивает Люси. – Я хочу, чтобы он тоже поверил.

– Конечно. Чем больше тех, кто верит в призраков, тем веселее.

Сойер

Четверг, 3 января. Вес: 54

Дорогой дневник, утром я встретила новичка, друга Сью из Амстердама. Он очень красивый... О боже, мне так хочется получить письмо от Джека. Я скучала по нему сегодня. За эту неделю я набрала килограмм. Надеюсь, так пойдет и дальше. Я точно сегодня буду хандрить.

Мама падает на матрас посреди спальни, и я накрываю ее простыней. Сегодня я успел собрать только каркас кровати Люси. И мамина кровать – первое, чем мне нужно заняться завтра утром. Кладу полотенце рядом с ее головой и еще одно на пол на случай, если ее снова будет тошнить, а затем закрываю за собой дверь.

Наша мебель беспорядочно расставлена посреди гостиной, а вдоль стен выстроились горы коробок. Со включенным светом жуткое ранее ощущение исчезает, и я качаю головой, пытаясь прогнать ужасные мысли. Мне нужно больше спать, да и Люси тоже. Конечно, когда мы переедем в наш собственный дом, выспаться будет легче.

Я выхожу из квартиры, поднимаюсь по лестнице и оста-навливаюсь у старой деревянной двери. Мою спину свело от напряжения, свалившегося на меня за последние кошмар-ные сутки, но эта пытка еще не закончилась. Быстрый стук в дверь – и я слышу шаги с другой стороны.

Раздается писк нажимаемых кнопок, звякает дверная це-почка, задвигается засов, дребезжит ручка – по моему пред-положению, она тоже отпирается, – и только тогда дверь от-крывается, но всего лишь на щелочку.

И вот они, эти злые голубые глаза, мое главное воспоминание сегодняшнего дня.

– Да?

Да? Как будто это вопрос, из-за которого я постучал.

– Я пришел за Люси.

Дверь скрипит, когда Вероника открывает ее шире. Она смотрит на меня, как ястреб на полевую мышь. Окинув быст-рым взглядом комнату, я осознаю, что начинаю завидовать. Это место во сто раз лучше, чем та свалка внизу, которая на-зывается нашей квартирой. Стены небесно-голубого цвета, ярко-белая отделка и современное освещение.

Весь этаж открыт. Кухня находится справа от входной двери. Передо мной – диван, кресло с откидной спинкой, а на стене – небольшой телевизор с плоским экраном. Слева находится полукруглое эркерное окно с мягким сиденьем, а также офисная зона, в которой есть письменный стол, ком-пьютер, книжные полки, картотеки и даже пианино.

На диване лежит комок, накрытый голубым бархатным одеялом. Это моя сестра, и она выглядит совершенно спокойной с закрытыми глазами и мерно поднимающейся и опускающейся грудной клеткой.

Вероника прислоняется спиной к кухонному столу и смотрит на меня. На ней хлопковые шорты и огромная футболка с изображением Минни-Маус. Ее руки скрещены на груди, и она определенно не рада меня видеть.

– Нужно оставлять цепочку на двери и проверять, кто стучит, прежде чем открывать ее.

Вероника указывает пальцем, и я иду следом, чтобы увидеть маленький телевизор на кухонном столе. Экран разделен на несколько кадров, и на одном из них изображены ступени у ее двери.

Ну и ладно. У них есть система безопасности. И притом довольно причудливая. Это умно, и мне даже становится не по себе. Думаю, в ближайшие пару месяцев у нее будет прекрасный вид на нашу замечательную семейную жизнь.

– Спасибо, что позаботилась о моей сестре.

Мои слова искренни, но неприятная часть состоит в том, что я чувствую: нужно бы сказать Веронике больше, только не знаю, что именно и как это сделать. Я засовываю руки в карманы, потому что это неловко. Я просто не люблю говорить такие вещи.

– Я сожалею о том разговоре с моими друзьями, который ты нечаянно услышала. Это было неправильно и...

– Благодарю за извинения.

Вероника обрывает меня, и это ставит меня в тупик. Пока я помогал маме, то придумал план, речь, и все это должно было соединиться воедино и закончиться тем, что я каким-то образом смогу убедить Веронику не обналичивать наш депозитный чек несколько дней. Но она разнесла этот план в пух и прах.

Вероника продолжает наблюдать за мной. Она ждет, когда я заберу свою сестру и уйду, и это именно то, что я хочу сделать, но мне нужно попытаться облегчить жизнь моей маме.

– Я действительно ценю твою помощь с Люси. И... Мне очень неприятно говорить об этом, но я хотел спросить, не могла бы ты немного подождать и пока не обналичивать деньги?

– Скажи-ка мне вот что, ну, просто чтобы я знала, как справиться с этой ситуацией. У твоей мамы проблемы с алкоголем?

– Нет.

Мой ответ последовал незамедлительно, и Вероника склонила голову набок, словно не веря мне.

– Неужели? Потому что твоя сестра сказала, что она болеет по выходным. Я предполагаю, что «болезнь» – она показывает кавычки пальцами – это эвфемизм для того ее состояния, которое я увидела сегодня.

– По выходным она встречается с друзьями. Иногда они выпивают слишком много, но она никогда не пьет в течение

недели.

Не знаю, почему я чувствую необходимость защищать маму, особенно сейчас, когда я зол и воняю блевотиной.

– Чек твоей матери был отклонен, – спокойно говорит Вероника.

На мгновение прикрываю глаза. Черт.

– А твой отец знает?

– Еще нет.

Согласится ли она или заставит меня умолять?

– Мы получим деньги пятнадцатого числа.

Еще неделя, а мне кажется, что должна пройти целая жизнь.

У меня есть работа спасателя, но это едва ли минимальная зарплата, и мы еще не ходили за продуктами. Люси нужны школьные принадлежности, и я снова начну плавать завтра, а это означает, что нужно будет заплатить за лагерь, за тренера, за школьную лигу, за лигу плавания, за...

Ее невозмутимое выражение лица – одна из самых парализующих вещей, с которыми я сталкивался, а ведь я постоянно бросаю вызов смерти.

– У тебя есть машина? – спрашивает Вероника, и я застываю в удивлении, пытаюсь понять причину этого вопроса.

– Да.

– Я всегда рада твоей сестре у себя дома. – Это значит, что меня она здесь не очень-то жалует. – У вас есть время до следующей пятницы, чтобы дать мне еще один чек, который

не будет отклонен. Вам нужно будет добавить сорок долларов, чтобы покрыть расходы, которые мы понесли. Если этот чек не примут, то у меня не будет другого выбора, кроме как рассказать отцу. Не только из-за денег, но и из-за того, что я видела здесь сегодня вечером.

Она отпускает меня, но я стою как вкопанный.

– Пожалуйста, никому не говори о моей маме. – Мой язык будто прирос к небу. – И насчет чека, и насчет того, что ты видела сегодня вечером. Я понимаю, что тебе, возможно, придется рассказать своему отцу, но ты этого не сделаешь, потому что я достану деньги. Но если люди узнают... Это поставит ее в неловкое положение. И меня тоже.

– Я не из тех, кто сплетничает. В нашем городе достаточно людей, которые любят говорить гадости, поэтому уверена, что в этом деле никому не нужна моя помощь.

Я вздрагиваю. Сообщение озвучено громко и четко. Она меня ненавидит. Все нормально. Я тоже себя ненавижу.

– Спасибо, – снова говорю я, – за Люси.

Подхожу к дивану и беру свою маленькую сестренку на руки.

– Мне любопытно, – говорит Вероника, – тот дневник, что был у тебя в туберкулезной больнице. Где ты его нашел?

Люси в моих объятиях напоминает горячий, взмокший комок, который прижимается ко мне еще плотнее.

– Я нашел его на сиденье у окна в передней спальне.

Все это время я пытался прорваться сквозь стены Веро-

ники, и именно с этим ответом в моей душе вспыхивает надежда вызвать у нее другую эмоцию, отличную от ненависти.

– Я так понял, что это осталось от последнего жильца. Или что? Мне нужно его вернуть?

Вероника смотрит на пустое кресло у окна в своей гостиной, а потом снова на меня.

– Ты читаешь его?

Когда она так говорит, сразу думается, что читать чужой дневник – неправильно. Как будто я не должен совать нос в чужие слова – живые или мертвые.

– Ничего страшного, если так оно и есть. Это то, для чего он существует.

Я киваю.

– Тогда оставь его себе. По крайней мере, сейчас. Ты можешь отдать его мне, когда закончишь. – С этими словами Вероника открывает дверь, и я ухожу.

* * *

Мама проснулась с похмелья, Люси с утра скулила, что не может найти свои игрушки, и каждый раз, когда они открывали рты, я ежился. И напряжение все росло и росло до такой степени, что появилось ощущение, будто мои кости раздавлены в пыль.

Наконец я усадил Люси перед телевизором с двумя коробками ее вещей, мама отдыхала на заднем крыльце с толстой

книжкой, темными очками и солнцезащитным кремом, а я, к собственному облегчению, убрался ко всем чертям.

Быстрый прием у врача, гипс снят, я свободен, и это не очень-то радует...

Стрелка на спидометре моей машины поднимается все выше и выше, а я все сильнее жму на газ. Камни и пыль летят в разные стороны, когда я вхожу в слишком крутой поворот. Мчусь по грунтовой дороге, которая перекрыта еще несколько километров назад. Там не было знаков «Проезд воспрещен». Да, их много встретилось по пути, но мне все равно. Это только раззадоривает меня.

На вершине старой каменоломни я резко бью по тормозам. Бросаю ключи на пассажирское сиденье и выхожу из машины. Срываю рубашку через голову, снимаю ботинки и носки и бросаю все вместе с бумажником на водительское кресло.

Захлопываю дверцу машины, и пульс стучит в ушах, когда я крадусь к краю карьера. Именно здесь я нахожу свой кайф. Пальцы моих ног торчат над обрывом, а галька, сдвинувшаяся под моим весом, сыплется в воду.

Вода внизу...

Это безопасный прыжок, поэтому я его и выбрал. Всего двенадцать метров или около того. Не так много камней в воде, как раньше. Двенадцать метров. Безопасно.

– Черт.

Я провожу рукой по волосам, а пальцы автоматически

больно сжимают пряди, будто бы заставляя меня отойти от края. Безопасно? В этом нет ничего безопасного. Это просто глупо. Вот так я и сломал себе руку.

Неудачно нырнул. Правда, с другой каменоломни, но тогда высота была слишком большой, а сам пруд слишком мелким. И я чуть не утонул. Чуть не умер.

– Черт возьми! – кричу я, и мой голос эхом ударяется о стены пустого карьера.

Но мне нужен этот кайф. Я хочу его. Хочу почувствовать всплеск адреналина в моих венах в тот момент, когда сделаю шаг в пропасть. Мне нравится, как мой желудок буквально поднимается к горлу. Чувствовать ветер, ласкающий мое тело и дарящий ощущение полной свободы в эти несколько секунд полета... И удар. Боль от соприкосновения с водой. Шок от холода, словно от тысячи иголок, пронзающих все тело и парализующих его. Мои легкие горят от нехватки кислорода при резком погружении, и паника одолевает меня, когда я пытаюсь выбраться на поверхность. Ужас сковывает мои движения, когда я думаю, что никогда больше не смогу вдохнуть, а затем всепоглощающее чувство триумфа прогоняет прочь все сомнения, когда я вырываюсь на поверхность.

Но я чуть не умер тогда.

= Умер.

Но то был прыжок с большей высоты.

Более опасный. Здесь небольшая высота.

Так будет безопаснее.

=Безопаснее.

Мамин голос звучит у меня в голове:

«Прости, Сойер. Извини».

=Звук криков Люси.

Чистая ненависть в глазах

Вероники.

=Я терплю неудачу.

В школе. Дома.

Я не оправдываю ожиданий.

Друзей.

Родителей.

=И еще...

Плавание, математика.

Английский, проекты, документы...

=Непринятые чеки.

Мой отец.

=Никакого контроля.

Все вышло из-под контроля.

=Все по кругу, снова и снова.

Мои мышцы напрягаются.

=У меня кружится голова.

Кровь кипит в жилах.

=Бежит быстрее.

Я варюсь заживо.

=Мне нужно немного остыть.

Мне нужна разрядка.

=Мне это нужно.

Мне нужно.

=Нужно.

Я зависим.

=Зависим.

Ненавижу себя за это.

=Презираю.

Я бегу. Все голоса, кричащие в моей голове, замолкают, когда я набираю скорость и прыгаю в пропасть.

Вероника

Мое тело гудит от напряжения. Лео так близко... Может быть, это что-то значит. Может быть, он тоже чувствует, что наше время подходит к концу. Может быть, он не хочет уезжать, не сказав и не сделав всего того, что нужно сказать и сделать...

В паре метров от нас из спального мешка торчат только лишь рыжие волосы Джесси, который, как гусеница, целиком залез в свой кокон. С другой стороны Назарет – парень, которому вечно жарко, – растянулся поверх своего спального мешка. Его руки и ноги постоянно вздрагивают во время беспокойного сна. Костер, который пылал несколько часов назад, превратился в маленький, едва теплящийся огонек.

Мы во владениях Джесси, находящихся далеко-далеко от цивилизации. Это место для меня как второй дом. Звезды надо мной – мое одеяло. Густая трава на поляне – словно мягкая подушка. А каждый сантиметр моего тела пахнет костром и Лео. Мое сердце сжимается, а колючие мурашки носятся по моей спине, потому что я не хочу пахнуть никем другим. Никогда.

Сейчас очень поздняя ночь. Так поздно, что я почти чувствую вкус утренней росы на кончике языка. Обычно я люблю восходы, но теперь не хочу, чтобы солнце вообще когда-нибудь поднималось. Эта ночь должна длиться вечно. Ведь завтра, точнее, уже сегодня, Лео уезжает.

Мы с ним сидим очень близко на его расстеленном спальном мешке и смотрим на догорающий костер, соприкасаясь плечами. Воздух по-летнему теплый и влажный, но уже несет в себе прохладу ночи, поэтому наши ноги укрыты тонким одеялом, которое я принесла. Глаза отяжелели от усталости, но я ни за что не поддамся желанию моего тела уснуть. Желание быть с Лео намного сильнее.

Единственный недостаток этого вечера – головная боль. Она продолжает усиливаться, но я изо всех сил стараюсь не обращать на нее внимания. Мой мозг не разрушит наши последние мгновения с Лео. Но впервые за сегодняшний вечер острая боль пронзает мой череп. Мои руки инстинктивно поднимаются, и я качаю головой.

– Ты в порядке? – спрашивает Лео.

Я заставляю себя опустить руки.

– Да.

Лео щелкает костяшками пальцев и не смотрит мне в глаза. Мой желудок сжимается. Лео нервничает, и это из-за моей боли. Это единственное, что я бы изменила в Лео, если бы могла – ему становится неловко всякий раз, когда у меня болит голова.

Я смотрю на огонь и даю Лео время подумать. К счастью, он всегда быстро возвращается в свое обычное состояние. Когда его кожа касается моей, я закрываю глаза и дрожу от счастья.

– Могу я тебя кое о чем спросить? – наконец говорит Лео.
Что угодно.

– Конечно.

– А каково это – иметь опухоль мозга?

Я резко открываю глаза. Что угодно. Он мог бы задать мне любой вопрос, но решил спросить об этом? Разочарование очень похоже на гнев, и я снова падаю на спальный мешок, потирая слезящиеся глаза. Я могла бы сказать, что это из-за дыма от костра, но это не так. Лео, как всегда, разбивает мне сердце.

Прочищаю горло, а когда наконец убираю руки от лица, то вижу, что Лео лежит на боку и наблюдает за мной. Я не знаю, что именно он хочет от меня услышать. Кроме врачей, он один из немногих людей, которые знают о моей опухоли. И ему известно столько же, сколько и мне. Вот что было бы, если бы я писала о ней в проекте по английскому языку.

- У меня опухоль мозга.
- Она маленькая, и с тех пор, как у меня ее нашли, она не выросла ни на миллиметр.
- По словам врачей, она «безвредная».
- Опухоль провоцирует у меня мигрень, но из-за ее рас-

положения врачи считают, что операция и любое подобное лечение – это риск, на который они не готовы пойти в данный момент.

- Наш курс лечения называется «бдительное ожидание», что означает ежегодное МРТ-сканирование.

– Иногда у меня болит голова, – наконец отвечаю я и изо всех сил стараюсь не выдавать истинные эмоции. – Это единственное ее проявление.

Лео смотрит мимо меня в темноту. Его глаза покраснели из-за огромного количества пива, что он выпил за вечер.

– Я не это имел в виду. Тебе интересно, случится ли то, что случилось с твоей мамой, и с...

Со мной.

Лео замолкает, а я чувствую боль, будто он ударил меня ножом. Эта боль сильнее, чем головная.

– Да, – говорю я хриплым шепотом. – Мне интересно.

У моей матери была злокачественная опухоль. А моя – доброкачественная. Моя мать мертва, а я все еще жива. Рана у меня на душе из-за ее смерти все еще кровоточит, и мне не нравится обсуждать ее опухоль или то, как она умерла. Я сглатываю, чтобы справиться с комком в горле.

– Но я знаю, что случившееся с мамой со мной не случится.

Я этого не допущу.

– Потому что у тебя другая опухоль?

Другая ли у меня опухоль?

– Да.

И поэтому это не случится со мной? Нет. Перед маминей смертью мы очень долго разговаривали. Долгие дискуссии о ее выборе, моем выборе и о том, есть ли у меня вообще свобода выбора, если моя опухоль превратится в злокачественную. Кончина моей мамы была долгой и мучительной. Все свое оставшееся время, которое могла бы потратить на жизнь, она провела, застряв в больничной койке. Именно этого хотел мой отец. Именно это он и просил ее сделать. Именно этого он ждет от меня, а я этого не хочу. Не сейчас. Никогда.

Я не идиотка. И прекрасно понимаю, что появление призрака мамы может сигнализировать об изменениях в опухоли, но опять же, как узнать наверняка? В нашем доме живут привидения. Как и Люси, когда я была младше, то тоже видела ребенка в спальне на первом этаже. Уже много лет я слышу эти шаги, крики и смех.

Моя мама любила меня, и она любила моего отца. Может, теперь она здесь, чтобы убедиться, что любовь всей ее жизни в порядке?

Кроме встречи с мамой, никаких других изменений не произошло. Мои головные боли и мигрени остаются такими же, какими они были раньше. Никаких других физических признаков или симптомов из контрольного списка, который я запомнила с тех пор, как мне поставили диагноз в одина-

дцать лет, не было: головокружение, покалывание, проблемы со зрением, онемение или судороги.

Если я расскажу папе о маме, то в тот же миг окажусь в больнице. Папа бросит свою работу, будет смотреть за мной двадцать четыре часа в сутки и погубит нас. И тогда я буду совсем как мама: умру в больнице, наполненной всевозможными ядами для борьбы с раком.

Моя следующая МРТ будет в июне. Если моя опухоль выросла, тогда, конечно, об этом узнает папа, но у меня есть почти год, чтобы прожить жизнь на полную.

– Единственная причина, по которой этот мир еще можно спасти, – это ты, – говорит Лео. – Обещай, что никогда не перестанешь быть собой, Ви.

– Если ты пообещаешь, что не забудешь меня, когда уедешь.

– Я никогда не смогу забыть тебя.

Но его глаза печальны, как будто он уже оплакивает меня – потому что он уезжает, потому что, когда смотрит на меня, то видит только мою опухоль и мою надвигающуюся смерть.

– Мне на многих людей плевать, – тихо говорит Лео с выражением, которое я, должно быть, неправильно поняла. Его взгляд задерживается на моих губах, и мне кажется, что он хочет поцеловать меня. Мне бы очень этого хотелось, но на самом деле я хочу, чтобы он любил меня.

– Но я забочусь о тебе.

Заботится. Не любит. Но смотрит на меня так, словно я

самая желанная девушка на свете.

Мы уже делали это – целовались раньше. Это игра, в которую мы с Лео играли много раз на протяжении многих лет, и каждый раз правила меняются. Он наклоняется, целует меня, мое сердце взрывается, а потом он убегает. Далеко и быстро. Мы снова становимся друзьями, но до тех пор, пока он снова не проявляет ко мне интерес.

Лео протягивает руку, и его пальцы касаются моей щеки. Легкое движение, которое заставляет мое сердце трепетать. Поцелуй меня, Лео. Пожалуйста, поцелуй.

Но он отводит взгляд, снова садится, и его лицо застывает, когда он смотрит на огонь. Я остаюсь холодной и опустошенной изнутри.

– Может быть, в следующем году, когда ты уедешь из города и поступишь в колледж, – бормочет он, и, хотя его слова не имеют смысла, я понимаю, что происходит. Он снова бежит. – ...Может быть, ты поступишь в мой колледж... может быть...

– Может быть, – шепчу я.

– Я ненавижу то, что ты болеешь.

Он подарил мне свое прикосновение, а потом выхватил его обратно так быстро, что оставил глубокую царапину на моем сердце.

– Я вовсе не больна.

Нет, если только я не расскажу об этом папе и не окажусь на больничной койке.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Я ненавижу твою опухоль.

Я тоже. И ненавижу, что она мешает ему любить меня. Интересно, как бы сложилась моя жизнь, если бы у меня не было опухоли или если бы в средней школе, задолго до того, как я влюбилась в Лео, у меня хватило ума никогда не говорить ему о чужеродном образовании в моем мозгу? Неужели мы бы тогда целовались прямо сейчас? Неужели я потеряла бы с ним девственность? Пошли бы мы вместе на танцы и повесили бы фотографии друг друга на стенах наших спален? Может быть, он сейчас держал бы меня за руку, прижимал к себе и шептал, что любит?

Но я все же сказала ему, и это было правильно. Несправедливо и эгоистично с моей стороны позволить кому-то влюбиться в меня, когда моя жизнь, вероятно, не будет длиться так долго, как хотелось бы. И, как только все узнают правду, никто в здравом уме не влюбится в кого-то вроде меня, и за это их нельзя винить.

Я заставляю себя сесть рядом с Лео, и на этот раз именно я убеждаюсь, что между нами есть дистанция. Лео все еще кипит от злости, но потом его лицо проясняется, как будто он нашел решение нашей проблемы. Но пока он не придумал, как добиться чуда, никакого решения нет.

– Через несколько недель ты, Джесси и Назарет должны навестить меня. Я хочу, чтобы все познакомились с моими лучшими друзьями.

Лучшие друзья – это все, о чем я могу просить его, и это причиняет мне боль.

– Это было бы здорово.

– Это будет эпично!

Но я не держусь за этот эпический визит в качестве друга. Я отчаянно цепляюсь за его слабые обещания *«может»*.

Сойер

Четверг, 10 января. Вес: 53

Сегодня меня лечили 4 часа. Разве это не здорово?

*Я снова начинаю пить молоко, потому что потеряла в весе на этой неделе. Так **не годится**.*

Написала сегодня Мейди. Надеюсь, кто-нибудь скоро напишет и мне. Я хотела бы получить письмо хоть от кого-нибудь.

Также днем я пила какао, но потом все равно плотно поужинала.

Фрэнк пришел сегодня вечером и играл в карты с Сэди, Кэролин и мной. Думаю, он пригласит меня посидеть вместе с ним во время кинопоказа. Но я надеюсь, что не пригласит, ведь тогда, может быть, мне удастся сесть с мистером К.

Чтение для меня не самое любимое занятие, поэтому я обычно не читаю без принуждения, но что-то в этом дневнике привлекло меня. Каждая запись коротка и лаконична, и при этом я узнаю много информации. То, о чем Эвелин ча-

сто мечтала, и ее реальность были двумя разными вещами. Это я и сам прекрасно понимаю.

С ней происходило много всего: в свои шестнадцать ее отправили с диагнозом туберкулез в санаторий «лечиться», что означало лежать часами в постели на улице. Она пыталась устроить там свою жизнь, завести друзей, бойфренда, работу... Но я стал задаваться вопросом: чувствовала ли она себя пойманной в ловушку?

Я чувствую.

Часто.

Чувствую себя так, словно меня заперли в заколоченном гробу, который уже зарыт на глубине трех метров, и мне не хватает воздуха. Да, я не застрял под землей и сейчас сижу в школьной библиотеке, отгородившись от мира вокруг наушниками. И хотя не должен чувствовать, что задыхаюсь, но, когда я делаю глубокий вдох, мои легкие будто не наполняются полностью.

Сегодня первый день в школе. Когда я узнал свое расписание, обнаружил, что учусь в продвинутом классе английской литературы. Я, ни черта не умеющий читать, – и в продвинутом классе. Когда попытался поговорить со своим консультантом об этом, она сказала мне, чтобы я сперва поговорил с мамой. Этот ответ был равнозначен удару бензопилой по ноге.

Мама похожа на снежный ком, брошенный с горы, который провоцирует ужасную лавину. Она пытается «испра-

вить» мою жизнь, не спрашивая меня об этом, и в конечном итоге выходит, что она заваливает меня новыми проблемами. Мне даже страшно спросить, зачем она так поступает со мной. Мои пальцы стучат по столу, а колено начинает подпрыгивать. Шея тут же напрягается, и я уже готов спрыгнуть откуда угодно в любую секунду.

Мой телефон звонит, и я читаю сообщение от тренера.

«Отлично поработал на вчерашней тренировке! Продолжай в том же духе! Выведи нашу школу к золоту. Помни, что твоя цель – это чемпионат штата!»

С тех пор как сломал руку, я занимался физиотерапией, чтобы оставаться в форме. Вчера был мой первый день в бассейне. Я, конечно, не показал свое лучшее время, но действительно победил некоторых парней из моей команды. Плавание для меня так же естественно, как дыхание или прыжок со скалы.

Еще одно сообщение.

МАМА: «Ты уверен, что наш домовладелец не против неоплаченного чека? Обычно люди не бывают такими милыми...»

Да, я согласен, но девушка, считающая меня мусором или идиотом, действительно очень мила.

Я: «Продвинутый класс английской литературы?»

МАМА: «Сильвия и Мигель договорились работать вместе над проектом, так что ты можешь присоединиться к ним. И так ты сможешь получить хорошую оценку!»

«Договорились... так ты сможешь присоединиться».

Будто мне больше нечем заняться. Я разминаю шею, чтобы снять напряжение, но это не помогает. Одна и та же мысль кружится в моем мозгу: «Прыгай, прыгай, прыгай, прыгай».

Но я не хочу прыгать. Я пообещал себе, что больше не буду этого делать. Только не после этих выходных. Но потом мысль о том, чтобы снова ощутить этот порыв...

Боже, я должен остановиться. Но как это сделать?

Хлопнувшая по столу ладонь заставляет меня вздрогнуть. Мой правый наушник вываливается из уха, и я ставлю на паузу музыку, в которой пытался раствориться.

– Я видела твоё расписание, и мы с тобой учимся в одном классе английского. Ты будешь моим партнером по выпускной работе.

Вероника стоит передо мной, сверкая глазами. Если бы я не видел, как она улыбается вместе со своими друзьями, то подумал бы, что выражение ее лица всегда злое. Похоже, этого «приятного» взгляда достаиваюсь только я.

Быстро оглядываю зал и понимаю, что никто не смотрит на нас. Те немногие люди, что здесь есть, сидят в своих телефонах или спят. Звонок на первый урок прозвенит только через пять минут. Большинство моих друзей болтаются в кафетерии, но я был не в том настроении, чтобы всем улыбаться. На Веронике легкие синие джинсы, а под ними черные кружевные колготки. Ее черная футболка с названием какой-то дэт-метал-группы спереди разрезана так, что спадает с одного плеча. Под ней – черная кружевная майка на тонких бретельках. Ни одна девчонка в школе не осмелилась бы одеться так сексуально.

– А как ты узнала мое расписание?

– Я порылась в стопке бумаг на столе у секретарши и вот нашла. Она в это время делала копии документов, поэтому ничего не заметила.

Вау.

Она плюхается на сиденье напротив и наклоняет голову, будто ждет, что я заговорю. Но я не знаю, что сказать. Сейчас у меня и моей семьи есть крыша над головой благодаря Веронике и ее отцу, и последнее, что я хочу ответить, – это «нет». Но она, похоже, действительно не понимает, насколько сложно мне приходится.

– Не думаю, что это хорошая идея.

Она только кивает головой в знак согласия. Не знаю почему, но я нахожу ее честность забавной. Вытаскиваю второй наушник из уха и откидываюсь на спинку сиденья.

– Ты прав. Я и сама не горю желанием. Ты мне не нравишься, а я не нравлюсь тебе, но, поскольку мне не разрешают работать в одиночку, я решила, что мы должны работать вместе.

Это то, что я должен был услышать.

– Но почему именно я?

– Во-первых, мы живем в одном доме, так что нам будет легко встретиться. Во-вторых, у вас есть машина, а у меня – нет. Эта работа требует много исследований и личных интервью, а это значит, что нам придется поездить туда-сюда.

– Ты можешь проводить исследования в интернете и брать интервью по телефону.

Мне кажется, впервые за все наше странное общение глаза Вероники вспыхивают радостью, и мне становится любопытно.

– Это можно провернуть, но только не с нашей темой. Нам понадобится личный опыт.

– Ну и что же это? Что за тема?

Вероника наклоняется вперед и словно гипнотизирует меня своим взглядом.

– Привидения. Существуют ли они вообще?

Она что, шутит?

– Приведения?

– Привидения.

Черт. Она серьезна.

– А почему приведения?

Она откидывается на спинку стула.

– Начнем с того, что дом, в котором мы живем, – это не только наш дом. В нем множество привидений.

– Там вообще нет никаких приведений.

Уголки губ Вероники медленно ползут вверх и превращаются в ухмылку. Будто эта девчонка знает все мои секреты.

– У тебя очень скоро поменяется мнение на этот счет, как только проживешь там несколько недель.

Конечно. Как бы мне ни нравился наш разговор, реальность никуда не делась. Мне придется там жить.

– Хоть это и звучит интересно, но я все еще уверен, что наше партнерство – плохая идея.

– Почему?

Я барабаню пальцами по столу, и миллион причин, почему ей не следует работать со мной в паре, разрывают мне голову. Моя неуравновешенность, мое пристрастие к прыжкам с высоких утесов, о которых никто не знает, – это хорошая причина, чтобы Вероника отстала от меня. Но факт того, что у моей матери другие ожидания, – это не то, что я хочу признавать.

Я мог бы сейчас назвать любую причину, вывалить всю правду, но, мне кажется, это было бы подлостью. Вероника помогла моей сестре, когда она в этом нуждалась, и позволила нам отдать деньги за жилье позднее, не сказав своему отцу про чек.

Чем дольше я жду, тем больше накаляется ситуация. Это

позор. Вероника быстро отталкивается руками от стола и встает.

– К черту все это. Я избавлю тебя от необходимости говорить мне «нет» по причине того, что я слишком странная, чтобы работать со мной. Мило, не правда ли? Разве не так говорил ты и твои друзья?

Проклятие.

– Подожди.

Но Вероника стремительно направляется к выходу, и я со скакиваю со своего стула, чтобы догнать ее.

– Вероника!

Она уже почти у дверей библиотеки, и, если выйдет в коридор, я ее точно потеряю в толпе.

– Вероника, подожди!

В последнюю секунду она резко поворачивается на каблучках, и я чуть не врезаюсь в нее.

– Ну что?

– У меня дислексия⁶.

Лицо Вероники искажается, будто я сказал ей, что из моей задницы выскакивает кролик.

– Ну и что?

Ну и что?

– Когда дело доходит до чтения, исследования или написания статей, это всегда занимает у меня больше времени. С

⁶ Дислексия – нарушение чтения и письма. Люди с дислексией путают буквы и переставляют местами слоги.

таким партнером ты бы хотела работать?

Ее гнев сменяется холодной оценкой. Она окидывает меня взглядом.

– Это не самая страшная вещь, которая меня волнует или когда-либо будет волновать.

В моей голове сотни голосов. Все они всегда говорят одновременно, но на несколько коротких секунд голоса умолкают. Молчат, потому что всякий раз, когда я рассказываю о дислексии, им будто становится неудобно. Но я никогда не держал ее в секрете, потому что это часть меня. Как, например, мой цвет глаз. И некоторые люди не знают, как реагировать на такие особенности. Но эта девушка даже не моргнула.

Интересно, что бы она сказала, если бы я признался, что прыгнул со скалы только ради того, чтобы почувствовать кайф? Мысленно я немного посмеиваюсь. Возможно, она поможет мне, столкнув с края пропасти.

– Приведения? Это ведь тема исследования?

– Да.

– Я должен получить хорошую оценку по английскому, чтобы повысить свой средний балл. Иначе не смогу заниматься плаванием. Исследование историй о привидениях похоже на самый простой путь к двойке.

– Насколько я помню, ты должен мне, но я не буду таким образом настаивать на работе со мной. Только попрошу отвезти меня в одно из мест, которые хочу изучить в эти вы-

ходные. И, если ты не захочешь быть моим партнером после нашего визита, ничего страшного.

Что ж, я действительно у нее в долгу, и, если она хочет, чтобы я отвез ее куда-нибудь в знак благодарности, я это сделаю.

– Хорошо, но это не значит, что я буду писать работу вместе с тобой.

Вероника выхватывает у меня мобильник и несколькими быстрыми постукиваниями вводит свой номер, а затем возвращает сотовый обратно.

– Нам дали время до понедельника, чтобы мы могли определиться с партнерами. И я чувствую, что ты выберешь меня.

И вот она уже за дверью.

Я иду следом и смотрю, как она скользит по коридору. Ее светлые локоны подпрыгивают у плеч, а бедра слегка покачиваются при ходьбе. Эта девушка красива и сексуальна. Она завораживает. Кажется, это самая яркая личность, с которой мне довелось столкнуться. В мире, где почти ничто меня не удивляет, я впечатлен.

Вероника

Я отправляюсь домой позже всех, потому что меня дважды стошнило в туалете из-за головной боли. Ненавижу мигрени. Однажды учитель сказал мне, что «ненависть» – это плохое слово. Я согласна. Но слово «мигрень» еще хуже.

Выхожу на улицу, и солнечный свет кажется демоном, посланным для того, чтобы превратить мою жизнь в кошмар.

Я прикрываю глаза рукой и, увидев Назарета, ждущего меня на школьной парковке у капота своего «Шевроле Импала», с облегчением выдыхаю, потому что совершенно не в состоянии идти домой пешком. Я никогда не просила его подвозить меня, но знала, что выйду из школы, и он будет ждать меня. Просто это в его стиле.

Я останавливаюсь перед Назаретом и едва могу поднять голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Рюкзак едва держится на кончиках пальцев и чуть не падает. Назарет не спрашивает, как я себя чувствую, и не спрашивает, куда хочу поехать. Его пристальный взгляд скользит по моему лицу, и мне кажется, что он понимает все, что происходит у меня внутри: обычная усталость после уроков и бесконечная пустота от

того, что осталась одна, когда он ушел. И да, самое главное – мигрень пятой категории, которая вызывает тошноту и от которой кровь отливает от головы.

Назарет кивает в сторону пассажирского сиденья, и я проskalзываю в машину, прислоняюсь головой к окну и закрываю глаза. Он не включает музыку и не произносит ни слова. Он просто ведет машину, позволяя мне отдохнуть. Головная боль, однако, становится только хуже. Мой желудок сжимается, и я пытаюсь сосредоточиться на дыхании и остановить рвотные позывы.

Машина наконец-то тормозит, и, когда я открываю глаза, солнечный свет становится настолько ярким, что на мгновение ослепляет. Я все равно выбираюсь из салона и следую за Назаретом к старому крошечному фермерскому дому небесного цвета. Голова словно свинцовый шар, а ноги двигаются так, будто к ним прикреплены пятикилограммовые гири.

Назарет открывает передо мной дверь своего дома. И звук скрипнувших петель, словно отбойным молотком, бьет мне по черепу. Мир сужается, и темнота начинает смыкаться вокруг меня. Я останавливаюсь у подножия лестницы, отказываясь идти дальше.

– Ты всегда желанный гость в моем доме, – говорит Назарет, и мне становится легче. Людям всегда нужно быть осторожными в том, кого приглашать в дом, потому что, как только ты смиряешься со смертью, то проигрываешь и битву, и войну.

– Почему ты со мной дружишь?

Я не совсем понимаю, почему задала этот вопрос, но все же он прозвучал. Как будто я потеряла контроль над собой.

– Имею в виду, что другие люди не хотят быть моими друзьями, так что... Почему?

– Потому что ты – это ты, а я – это я. Вместе нам хорошо. И ты, ко всему прочему, никогда не спрашивала, кто мой настоящий папа и почему мы с мамой переехали сюда. И никогда не спросишь. Ты принимаешь меня таким, какой я есть. Ничего больше. И никак не меньше.

Он никогда не говорил мне этого раньше.

– Джин твой настоящий отец.

Назарет одаривает меня одной из своих редких странных улыбок. Мое сердце на мгновение замирает, отчего мне становится и радостно, и грустно одновременно.

– Входи, пока не потеряла сознание.

Запах готовящейся еды, доносящийся с крошечной кухни, кружит мне голову, и я падаю. Все звуки заглушаются из-за ужасного рева в ушах. Я неуверенно поднимаюсь на ноги, но тут же чувствую чьи-то руки на своем лице. Добрые темные глаза матери Назарета пристально смотрят в мои, и, хотя я не слышу, что она говорит, читаю по губам.

– Тебя будет тошнить от еды?

Я киваю и едва различаю ее слова, как будто она блеклый голос плохо настроенной радиостанции.

– Давай сделаем так, чтобы тебе стало лучше, и уложим

тебя в постель. Я кое-что вырастила специально для тебя.

Грир берет меня за руку и ведет через парадную дверь в свой садовый домик. Там я сажусь за столик, который она использует для горшков и пересаживания своих цветов и растений. По другую сторону от меня сидит Назарет. Он аккуратно работает пальцами с бумагой для самокруток.

После этого встает, берет зажигалку с верхней полки, заполненной тоннами растений в горшочках – в основном всякими пряностями, – и садится на скамью рядом со мной. Он закуривает и осторожно выпускает дым в мою сторону. Назарет продолжает вдыхать и выдыхать, пока вокруг меня не образуется облако.

Я закрываю глаза и вдыхаю странный запах. Почувствовав небольшое давление на руке, я приоткрываю глаза, чтобы взять косяк из пальцев Назарета. Подношу его к губам и вдыхаю. Мои легкие, кажется, вот-вот взорвутся.

* * *

Звук открывающейся двери заставляет меня перевернуться на кровати Назарета. Я открываю свои тяжелые веки и поднимаю голову. Мой сон был глубоким и спокойным, конечности стали ватными, но это приятное чувство. Копна непослушных рыжих волос появляется в дверном проеме. Это Джесси. Он подносит мобильник к уху и шепчет:

– Да, она здесь. Ви, это твой папа.

В комнате темно из-за плотных штор, и я бросаю взгляд на электронные часы на комоде. Уже семь. Моя голова бес- сильно падает на подушку. Папа. Я забыла позвонить ему. Протягиваю руку и показываю пальцами «дай мне трубку».

– Держи, – Джесси выглядит виноватым, когда протяги- вает мне телефон. – Извини, что разбудил тебя, но твой папа очень волновался. Ему было недостаточно услышать, что ты здесь.

– Не надо извиняться, – мой голос охрип от сна. – Я хочу поговорить с ним.

Я должна была позвонить ему раньше или, по крайней ме- ре, попросить Назарета написать ему, но даже не подумала об этом из-за боли. Скорее всего, мой мобильник так и ле- жит в рюкзаке на полу в машине Назарета.

Джесси уходит, и я потягиваюсь, поднося телефон к уху.

– Привет, пап.

– Эй, – он пытается скрыть беспокойство, но дрожащий голос выдает его. – Как дела, орешек?

– Лучше.

– Мигрень?

– Да.

– Очень сильная?

– Да. – На самом деле одна из самых худших. – Но я смогла досидеть до конца уроков. Назарет встретил меня и привез к себе домой. Извини, что не позвонила, но я отрубилась, как только приехала сюда.

Папа молчит несколько секунд, так как знает, что это означает: я курила травку. Лекарство от мигрени, которое прописал мой врач, не смогло облегчить мою ужасную боль ни на секунду. Когда папа сказал об этом доктору, тот выписал другие лекарства, но они давали ужасные побочные эффекты. Например, сильно влияли на желудок, будто разрывали его на части. Может быть, не в буквальном смысле, конечно, но мне так казалось.

Хотя мой отец – он сам признавался – курил траву, когда был подростком, и знает, что ее употребление может помочь мне с симптомами болезни, он все еще остается отцом⁷. На протяжении долгих лет ему вдалбливали, что наркотики – это плохо, а еще хуже – быть родителем, позволяющим своему ребенку принимать их. Все это заставляет его чувствовать себя паршиво. Не помогает и то, что все, связанное со мной, давит на него, словно он удерживает в своих руках всю Вселенную.

Так что мы с ним договорились: я употребляю только тогда, когда мигрень разрывает мою голову на части, и я говорю ему правду, если действительно курю.

– Передай Джесси, я извиняюсь за то, что позвонил ему, но я пытался сперва связаться с Назаретом и... Хорошо...

Папа замолкает.

Назарет не ответил, но папа не позвонил его родителям,

⁷ Редакция обращает внимание читателей: употребление подобных средств запрещено законодательством РФ и смертельно опасно для здоровья.

потому что у него нет их номеров. Ни у кого нет, кроме их собственных детей. Но, даже если бы папа позвонил им, они бы не ответили. Хотя Назарет не так отстранен от современного мира, как его родители, он все же не из тех, кто следует социальным правилам. Он носит свой сотовый, только когда хочет, и тот часто на тихом режиме, когда он у него с собой. И у него есть привычка не проверять телефон в течение нескольких дней.

– Мне очень жаль, – говорю я. – Не хотела тебя волновать.

– Я все понимаю. Все нормально. Ты можешь сделать мне одолжение?

– Что угодно.

Особенно после всего этого.

– Я хочу, чтобы ты начала следить за своими мигренями. Отмечай дни, когда у тебя болит голова, в календаре на кухне и пронумеровывай их от одного до десяти в зависимости от уровня боли. Кажется, они стали чаще.

Я кривлю губы, так как папа, пребывающий в состоянии повышенной готовности, никак не вписывается в мои планы. Я не рассказываю ему про призрак мамы, но не буду лгать о своих мигренях. Я обещала и папе, и маме, что всегда буду с ним откровенна.

– О'кей.

– Если мигрени действительно участились и они очень сильные, то я попрошу доктора сделать тебе МРТ.

Я держу телефон подальше, так как от этой идеи у ме-

ня слезятся глаза. Мне не нравится ходить к врачу и делать эту магнитно-резонансную томографию. Не нравится сдавать свою кровь на анализы, а еще я ненавижу, что папа должен менять свои планы из-за такой ерунды.

– Я в порядке. Это первый учебный день, и ты знаешь, что я всегда такая в начале года. Дай мне всего несколько недель, и я снова буду в порядке.

В порядке для меня.

– Я знаю, но ты не можешь винить отца за беспокойство. Не могу, но ненавижу, что заставляю его переживать.

– А в целом... У тебя был хороший день?

Нет.

– Я завела нового друга. – Шантажировала Сойера, чтобы он помог мне. Ну, в принципе, то же самое.

– Хорошо. Слушай, я за рулем, и Джесси сказал, что Грир приготовила суп для тебя. Иди обязательно поешь, ладно? Напиши мне, если решишь поехать домой, ну, или остаться у Назарета.

– Конечно, я напишу. Люблю тебя, пап.

– Я тоже тебя люблю. – Папа вешает трубку, и я протираю мокрые от слез глаза. Все будет хорошо. Со мной все будет в порядке.

Я не собираюсь болеть, как мама, и не хочу умереть в больнице, подключенной к аппарату, который дышит вместо меня. И папе тоже не придется принимать решение о своем увольнении.

Я оглядываю узкую спальню Назарета на чердаке, которую он делит с тремя своими братьями и сестрами. Здесь все очень просто: две двухъярусные кровати, придвинутые к стене, и каждая покрыта стеганым одеялом, которое Грир сделала своими руками для каждого из своих детей. Часть комода Назарета завалена медиаторами и книгами, а в углу комнаты стоят три гитарных футляра.

Отодвинув тяжелую занавеску на маленьком окошке, я замечаю, как солнце садится за зелеными холмами. Семья Назарета владеет небольшой фермой, далеко не такой большой, как ферма Джесси, но она занимает около тринадцати гектаров. Они выращивают овощи и фрукты в большом саду и держат кур, свиней, коз, двух коров и трех лошадей.

Из кухни доносится голос Грир:

– Джесси, я думаю, тебе следует сделать из вашей фермы рынок, где ты сам мог бы выбирать продукты. И вы могли бы привлечь других учеников к поездкам на ферму и научить их важности органического земледелия.

– Это мысль, – отвечает Джесси, что означает «ни за что на свете», но ему нравится Грир, он уважает ее и не хочет обижать.

Все еще немного одурманенная от косяка, я осторожно спускаюсь по лестнице на первый этаж и заглядываю в гостиную, где расположилось несколько столов для домашнего обучения. Затем смотрю направо, в сторону столовой, и вижу Джесси, сидящего за длинным обеденным столом из де-

рева. Достаточно длинным, чтобы за ним легко умещались десять человек. Джесси пирует тарелкой теплого супа и ломтиком домашнего хлеба. У меня урчит в животе, и он поднимает голову, как будто слышит это.

– Привет, Ви.

Я возвращаю ему телефон.

– Папа сказал, ему очень жаль, что он заставил тебя искать меня.

– Не беспокойся. Ничего страшного не произойдет, если кто-то воспользуется своим телефоном по его прямому назначению.

Джесси бросает косой взгляд на Назарета, сидящего в кресле посреди кухни в одних джинсах, пока его мать выстригает ему виски. На его мускулистой груди появилась новая татуировка, и мне любопытно, что она означает. Но есть вероятность, что он не расскажет. Что-то преследует Назарета, и это не что-то доброе, как моя мама. Но даже с демоном, который увязался за ним, он все еще самый мягкий человек, которого я знаю.

Назарет приподнимает бровь в ответ на замечание Джесси, и уголки его губ ползут вверх.

– Я не лицемер, – бормочет Джесси, и я смеюсь.

Мать продолжает подстригать волосы Назарету, и я замечаю, что он держит на руках крольчонка и кормит его из шприца. Это очень мило. Нет никого на свете, кто любил бы окружающий мир так, как любит его он.

– Где ты его нашел?

– На поле Джесси, – говорит он, и я смотрю на Джесси, чтобы тот закончил рассказ, поскольку от Назарета этого не дождешься.

Джесси кладет ложку, чтобы намазать маслом ломтик хлеба.

– Он слышал крики и нашел его. Похоже, что койот схватил маму и весь остальной выводок. Этот оказался нетронутым, но был очень напуган.

В высоком кресле сидит младшая сестра Назарета, Зива, и стучит своими крошечными игрушечными плавниками по подносу, громко визжа. Она милашка с маминым носом и улыбкой, и, как и все ее родные братья и сестры, с азиатскими чертами лица отца. Джин явно не является биологическим отцом Назарета, но они любят друг друга, как если бы были плоть от плоти.

Грир кладет ножницы на кухонный островок, протягивает Зиве чашку с кофе и направляется к плите. Я люблю этот дом. Деревенская атмосфера, тонна растений и трав, живущих в горшках на полках, свисающих с потолка для просушки и разложенных на полотенцах, – это место теплое и гостеприимное.

Мама Назарета возвращается к обеденному столу, ставит на стол напротив Джесси тарелку куриного супа и кладет несколько ломтиков хлеба, таких горячих, что от них идет пар. Она устремляет на меня свой властный, но добрый

взгляд.

– Ты сможешь поесть?

– Да.

– Тогда садись и ешь. Я надеюсь, ты съешь все. Тебе нужна нормальная еда вместо той замороженной дряни, которую ты всегда ешь. Удивительно, что не всех вас мучают мигрени при таком количестве консервантов, которое вы ежедневно потребляете.

Она наклоняет голову, разглядывая меня.

– Как ты себя чувствуешь, милая?

Грир очень красива. Не могу найти других слов, чтобы описать ее. Даже если ее каштановые волосы собраны в неаккуратный хвост, даже в поношенных джинсах и синей футболке с пятном от слюны на плече, даже без макияжа – она великолепна, как кинозвезда.

– Лучше, – мой любимый вид увиливания от ответа. – Спасибо за ужин.

– Всегда пожалуйста.

Я сажусь за стол, как она велела, и первым делом пробую полную ложку домашнего мясного супа – это просто какой-то рай. Все, что Грир готовит, производится с нуля и обычно выращивается на этой ферме, включая мясо.

Назарет – самый старший из семи детей. Если бы у него не было так много братьев и сестер, мы с Джесси жили бы здесь. Буквально. Ну, с другой стороны, может быть, и нет. Ни Джесси, ни я не хотим жить с мамой Назарета. Она пре-

красная, но немного переусердствовала в своих гомеопатических убеждениях. Кроме того, родителей Назарета запросто можно принять за мелких наркоторговцев.

Они выращивают некоторое количество травки и продают ее только проверенным людям. Например, по медицинским показаниям. Но, поскольку я считаюсь членом семьи, с меня никогда не берут денег. И не самую сильную – для себя.

Если бы у Назарета было только три брата и сестры, мы бы каждый вечер приходили сюда ужинать, но в этом маленьком домике живет девять человек, так что мы здесь редко бываем. Эта мысль начинает приводить мой уставший мозг в чувства.

– А где все остальные?

– Ну, мальчики решили, что будет умно подшутить надо мной, посадив сверчков в мою ванну. Так что теперь они вычищают стойла, а Джин катает девочек верхом. Мы хотели дать тебе немного отдохнуть.

Мои щеки начинают пылать от того, что вся семья изменила свое расписание, чтобы дать мне поспать.

– Как дела в школе? – спрашивает Грир.

– Ну, думаю, что нашла того, кто будет работать вместе со мной над моим выпускным проектом.

– Кто же это? – спрашивает Джесси.

– Сойер Сазерленд.

За исключением детского лепета Зивы, ножниц Грир, подрезающих концы длинных волос Назарета на его макушке,

и того, как я зачерпываю ложкой суп, в комнате тишина. Я поднимаю глаза и вижу, что Назарет и Джесси смотрят друг на друга с задумчивым видом, словно не согласны с моим решением.

– Не помню, чтобы спрашивала ваше мнение, – говорю я им.

– Я что-то пропустила? – спрашивает Грир.

– Сойер Сазерленд... – Джесси вздрагивает, но тут же бросает взгляд на меня. – Он один из тех богатых и популярных парней в школе.

– Вот как. – Грир перебрасывает длинные волосы Назарета с одной стороны на другую. Она пристально смотрит на него, словно размышляя, что еще убрать, а затем, очевидно, удовлетворенная результатами, похлопывает его по плечу, сигнализируя, что стрижка закончена. – И в чем же вы видите проблему?

Грир сурово смотрит на Назарета, когда тот встает. Его единственный ответ – пожатие сильными красивыми плечами. Язык тела предельно понятен: есть весомая причина, но он не скажет. Затем Грир бросает тот же взгляд на Джесси, и он дергает свою бейсболку вниз, словно хочет спрятаться.

– Сойер и его команда говорят обо мне всякую чушь, – поясняю я, чтобы спасти своих друзей от пытки.

– Этот парень говорит о тебе плохие вещи, но ты все равно хочешь работать с ним, а он согласился работать с тобой? – спрашивает Грир.

– Все очень сложно.

– Ты сможешь справиться с ним, если он будет плохо вести себя?

– Ты спрашиваешь, смогу ли я пнуть его по яйцам?

Грир ухмыляется.

– Да. И сможешь ли ты справиться с этим, если он продолжит говорить о тебе гадости?

С тех пор, как я переехала, мне приходится иметь дело с людьми, которые говорят обо мне всякий бред. Это больно, но я могу справиться с этим, поэтому киваю.

– Тогда вы, мальчики, должны доверять ее выбору.

Грир хватает три открытых блокнота и ручки. Она бросает одну передо мной, одну – перед Джесси, а другую – на место рядом со мной и жестом приглашает Назарета сесть.

– Вы, трое! Вам семнадцать, а ведете себя так, будто сорок. Это ваш последний год, а затем сам мир заставит вас стать взрослыми, и я хочу, чтобы вы записали все свои надежды и мечты на этот год. Затем мы отправимся к костру, поговорим о них и после сожжем, чтобы высвободить их во вселенную и она смогла нам помочь.

Голова Назарета опускается при мысли о еженедельном семейном костре. Он ненавидит это, но я думаю, что это весело. Джесси встает.

– Скарлетт скоро позвонит, и прежде мне нужно закончить кое-какую работу на ферме, так что...

– Садись, Джесси, – требует Грир, и он садится.

– Мне уже восемнадцать, и я окончил школу. Я совершеннолетний. И становлюсь взрослее. Каждый день.

– Это верно, но ты все равно сделаешь это.

Я улыбаюсь, Джесси хмурится, а Назарет кладет крольчонка в коробку, обложенную полотенцами, и затем натягивает футболку и садится за стол.

Джесси напишет что-нибудь о своей ферме и о том, как он проводит время со своей девушкой Скарлетт. Назарет либо запишет преамбулу к Конституции, либо выпишет кучу чисел до ми. Но я принимаю этот момент таким, какой он есть.

Папа прав, мои мигрени усиливаются, и в животе у меня все сжимается при мысли о том, что следующая МРТ может привести к разладу между нами. Если у меня есть еще несколько месяцев жизни, я должна прожить их правильно.

Я пишу номер «один» на своей бумаге и составляю список всего, что мне нужно сделать как можно скорее.

Сойер

В десятом классе я посещал обязательный медицинский курс, и там говорили о встречах анонимных алкоголиков, когда мы проходили тему наркомании. И вот сейчас, в отчаянной надежде на чудо, я оказался на одной из них. Или потому, что окончательно сошел с ума. Наверное, и то, и то.

Я сижу, скрестив руки на груди и вытянув ноги, на самом дальнем от трибуны собрания стуле. Встреча проходит в соседнем городе, расположенном в тридцати минутах езды от нашего. Люди стоят и говорят об алкоголе, пьянстве и жажде. У меня нет таких проблем, как у них. Мои вены не требуют особых веществ, которые заставляли бы чувствовать себя живым, но у меня есть это непреодолимое желание прыгать. В пятнадцати километрах отсюда есть озеро с классным местом для прыжков. Я уже направлялся в ту сторону, но чувство вины взяло верх. И вот я здесь, в комнате, где мне не место, но если уйду, то в прямом смысле сорвусь со скалы.

Я надеюсь, что встреча продлится достаточно долго, тогда на улице станет слишком темно, чтобы прыгать, и это заставит меня вернуться домой. Но я все равно хочу это сделать.

Школа – отстой. Мигель и Сильвия равнодушно отнеслись к тому, что я в продвинутом классе английского, и, похоже, они уже достаточно перемыли мне кости. Тренировка по плаванию прошла хорошо, но потом тренер снова завел свою шарманку про мое большое будущее в спорте, и это было ужасно. Рабочее совещание у мамы затянулось, и она забыла забрать Люси из школы, из-за чего сестра позвонила мне в слезах. Это определенно полный отстой.

Мои мышцы снова сводит от напряжения, и я начинаю ерзать на стуле. Я должен пойти к утесу. Это был бы хороший прыжок. Такое я уже делал раньше. Та скала, с которой я прыгнул в прошлый раз и сломал руку, была гораздо выше. А этот прыжок может быть вполне безопасен. Ничего особенного. Да, здесь повсюду валяются камни, а под водой может скрываться что угодно, но...

– Привет.

Я поднимаю глаза и с удивлением обнаруживаю парня примерно моего возраста, может быть, на несколько лет старше. Он в широких джинсах, белой футболке, которая ему слишком велика, и в синих «Конверсах». Судя по его светлым лохматым волосам, он какой-нибудь серфер из Калифорнии.

– Привет.

– В первый раз? – спрашивает он.

– Да.

Я осматриваю комнату и вижу, что люди болтают друг с

другом, собравшись в небольшие группы. Должно быть, я пропустил момент, когда встреча подошла к концу.

Парень занимает место рядом со мной.

– У тебя есть какие-нибудь вопросы?

Как мне игнорировать желание прыгнуть со скалы? А еще лучше, не подскажете ли вы мне, как вообще подавить это желание?

– Нет.

– Ты уверен?

Я прочищаю горло и провожу рукой по волосам.

– Не думаю, что это место для меня.

Он наклоняет голову, как будто слышит то, что я не произношу вслух.

– И все же ты здесь. – И все же это так. – Меня зовут Нокс.

– Сойер.

– Приятно познакомиться, бро.

У него даже манера говорить какая-то замедленная. Он напоминает мне стереотипного серфера, но учитывая, что мы находимся в сотнях километров от океана, это кажется маловероятным.

– Я посетил около двенадцати первых встреч, прежде чем набрался смелости поговорить с кем-то. И даже после этого мне требовалось время посидеть в конце зала и обдумать чужие слова. Если тебе нужно, чтобы это была одна из таких первых встреч или если тебе нужно время, я оставляю тебя одного. Но если ты все-таки хочешь поговорить с кем-

нибудь, то всегда можешь обратиться ко мне.

Около двенадцати первых встреч звучит неплохо. Сотня звучит еще лучше, но...

– А что если мне здесь не место?

– Я еще не встречал никого, кому здесь не место. Я начал приходить сюда, когда мне было шестнадцать, и трезв уже пять лет. Первое время я тоже был уверен, что это место не для меня. Все эти люди приходят и говорят о разбитых сердцах, потере контроля и ошибках. Помню, как думал, что я уж точно не один из этих неудачников, пока однажды не понял, что я гораздо хуже.

Понимаю, о чем он. Я колеблюсь, но почему бы и нет? Это же не значит, что я вернусь сюда еще или когда-нибудь увижу этого парня снова.

– Как же ты перестал делать то, чего жаждешь больше всего на свете? Когда только об этом и думаешь?

– Я прихожу сюда. Работаю по программе. Звоню своему куратору, когда появляется жажда, и живу день за днем.

Звучит глупо.

– Не думаю, что мне это подходит.

Мой ответ нисколько его не смущает.

– Вполне справедливо, но я думаю, что ты ошибаешься. Если ты передумаешь, я все еще надеюсь застать тебя здесь в следующий раз.

Мы оба встаем. Он отворачивается, но потом говорит через плечо:

– Не отвечай на этот вопрос мне, ответь самому себе. Ты говоришь о том, что это место не для тебя, но, если бы не пришел сюда, что бы ты сейчас делал?

И он уходит, оставив меня прикованным к месту. Потому что, как он прочитал меня, когда сам я думал, что это не так легко, пугает.

Если бы не пришел сюда, я бы уже прыгал.

Вероника

ЛЕО: «Какого черта ты делаешь? Сойер Сазерленд?»

Сегодня пятница – мой любимый день недели. Вечером папа вернется домой, а завтра мы будем есть вафли. И мне бы сейчас предвкушать завтрашний вафельный день, но приходится иметь дело с разъяренным Лео. Он ни разу не написал мне с тех пор, как уехал в колледж, а теперь вдруг отправил сообщение, и причина этому – его злость.

Прекрасно. Мне не нужно спрашивать Лео, откуда он знает о Сойере. В следующий раз, когда увижу Джесси и Назарета, я испепелю их взглядом.

Я: «В чем проблема?»

Ирония ситуации заключается в том, что я еду на переднем сиденье в «Лексусе» Сойера. «Лексус». Банк отклонил их чек за аренду дома, но он ездит на «Лексусе». Как же это все-таки работает?

Так или иначе мы едем на первое интервью для проекта, и я не могу определиться, что мне больше нравится – раздраженный Лео или стоическое молчание Сойера.

ЛЕО: «Этот парень просто придурок. Он игнорировал тебя годами, а его друзья болтают о тебе всякое. Я знаю таких парней, Ви, и он тебе не подходит.»

Я вытягиваю пальцы, будто хочу задушить его.

Я: «У меня все отлично. Спасибо, что спросил. Как дела в колледже?»

Ему требуется некоторое время, чтобы ответить, и я все еще не могу понять, нравится ли мне, что я только что проигнорировала Лео, или мне неловко. Бросаю взгляд на Сойера, и он быстро отворачивается, притворяясь, что не замечает меня.

– Куда поворачивать?

– Прямо на Сидар-авеню. Дом, который нам нужен, – третий слева.

Сойер барабанит пальцами по рулю.

– И кто же этот парень? Повтори, пожалуйста.

– Охотник за привидениями.

Если бы я собиралась повзрослеть, думаю, это была бы самая интересная работа, какая вообще может быть.

– Да, ты говорила, но откуда ты его знаешь?

– Он друг нашей семьи.

– Ну конечно, – бормочет Сойер, и я решаю проигнорировать его сарказм.

ЛЕО: «Я только что закончил переписываться с Джесси, и он сказал, что тебе нужен партнер для выпускной работы. Я позвоню Дженне и Мари. Ты можешь работать с ними.»

Как будто мне нужно, чтобы кто-то что-то делал за меня, а эти двое потом шептались бы обо мне на математике.

Я: «Только сделаешь это, и я перестану с тобой разговаривать.»

ЛЕО: «Они лучше, чем Сазерленд.»

Я: «Это моя жизнь, Лео. Не твоя. Если бы ты действительно был так обеспокоен, я думаю, ты бы сначала написал мне.»

Бросаю телефон на колени и игнорирую его, когда раздастся звуковой сигнал. Потом еще. Когда мы проезжаем два знака «стоп», раздается еще один. Сойер смотрит на меня краем глаза. Мой мобильник начинает звонить, и, как бы мне

ни хотелось услышать голос Лео, я действительно не готова разговаривать с ним.

После пятого звонка наступает короткая тишина, а потом мой сотовый снова начинает разрываться. Раздражение одолевает меня, и я сердито поднимаю трубку.

– Ну что ты хочешь?!

– Не сердись на меня.

Мои глаза закрываются, когда я слышу голос Лео, и чувство тоски пронзает мое сердце. Я сильно скучаю по нему.

– Вовсе я не злюсь.

– Злишься. Знаю, что веду себя как ублюдок и не пишу тебе, но в перерывах между занятиями я был занят домашней, а потом и на работе, и еще знакомился с ребятами. Колледж отличается от средней школы. А когда у меня появляется минутка, чтобы написать сообщение, я понимаю, что уже слишком поздно, и не хочу тебя будить. Я обещаю, что буду стараться лучше...

В ответ я лишь молчу.

– Вся эта история с Сойером заставила меня понять, насколько я тупой. Я беспокоюсь о тебе и не хочу, чтобы тебя облапошил какой-то парень, а меня нет рядом, чтобы помочь. Я забочусь о тебе, Ви, и очень волнуюсь.

Сойер смотрит прямо перед собой, но он не может не слышать. Во-первых, я нахожусь рядом с ним. Во-вторых, я бы точно подслушала.

– Я все понимаю.

– Короткий ответ... Ты на работе?

Нет.

– Да.

– Я позвоню позже. Мы сможем поговорить?

– Только не об этом.

На том конце провода воцаряется напряженное молчание.

– Прекрасно, но я все же позвоню. – Опять тишина. – Я скучаю по тебе, Ви. Жизнь без тебя такая странная.

Я смягчаюсь и рефлекторно начинаю теревить подол своей юбки.

– О'кей. День благодарения – двадцать девятое сентября. Ты ведь приедешь, правда?

Этот день Лео выбрал перед отъездом.

– Я же сказал тебе перед отъездом, что приеду. И никогда не нарушу обещание, которое дал тебе.

– О'кей.

– Я скучаю по тебе.

Я скучаю по нему еще больше.

– Я тоже. Поговорим позже.

– Позже...

Он вешает трубку.

Сойер сворачивает направо, на Кедр.

– Все в порядке?

– А почему нет?

Он пожимает своим сильным плечом.

– Ну, не знаю. Ты говорила... как-то не так.

– Ты уверен, что достаточно хорошо меня знаешь, чтобы понять, когда я говорю «как-то не так»?

– Думаю, что нет. – Он снова барабанит по рулю. – Ты празднуешь День благодарения в сентябре?

– Да.

Сойер не называет меня странной, но это написано у него на лице.

Он сворачивает на подъездную дорожку к нужному дому и сносит машиной веревку-ограждение. Дом представляет собой кирпичное ранчо с двумя огромными деревьями на переднем дворе. Я достаю из рюкзака блокнот и ручку, а также папку с толстым пакетом документов для проекта.

– Ты готов?

– Конечно.

Интересно, он ест сарказм на завтрак и не давится?

Мы выходим из машины, поднимаемся на крыльцо, и сразу после одного звонка Макс открывает дверь. Увидев меня, он приветливо улыбается, и я обнимаю его.

– Макс, это Сойер. Сойер, это Макс. Он хороший друг моего отца, и охотник за привидениями.

Папа и Макс вместе пьют пиво по пятницам и раз в месяц играют в покер.

– Вообще-то, я бухгалтер, но мне нравится охотиться на призраков в свободное время.

Макс пожимает руку Сойера, и от волнения у меня сводит мышцы. Макс должен произнести эти слова – пригласить

меня войти, и я с облегчением выдыхаю, когда он говорит:
– Входи, входи.

Необходимость быть приглашенной в чей-либо дом – одна из моих многочисленных причуд.

Единственное место, где можно посидеть, – это диван для двоих и кресло-качалка. Макс садится в кресло, так что диван остается для меня и Сойера. Я сажусь, он плюхается рядом со мной, и мне приходится попотеть, чтобы уместиться и не свалиться на Сойера. Несмотря на то, что я держусь прямо, наши колени соприкасаются. Я удивляюсь этому контакту, и он, должно быть, тоже. Сойер резко отстраняется, как и я, но нам действительно некуда подвинуться.

Хорошо, что я маленькая, иначе бы лежала на полу.

– Так кто же из вас одержим призраками и нуждается в обряде экзорцизма? – спрашивает Макс и добавляет, посмеиваясь. – Я просто шучу. Что я могу сделать для тебя сегодня, Ви?

Голова Сойера резко поворачивается в мою сторону при сокращении «Ви». Так меня называют мои друзья, а Сойер не друг, так что он, вероятно, не слышал этого раньше.

– Мы делаем проект на тему «Существуют ли призраки на самом деле?», и я надеюсь, что ты подскажешь нам, как доказать их существование.

Макс поправляет очки, которые, кажется, постоянно норовят сесть криво на его носу.

– Я делал вулкан из уксуса и пищевой соды, когда учился

в школе.

– Это звучит скучно. А теперь скажи нам, что делать.

Макс идет к шкафу и возвращается с ящиком и спортивной сумкой. Он объясняет, что перед тем, как мы проведем исследование места, нам нужно изучить возможных духов, которые могут быть там, и как это поможет нам связаться с ними.

– Тебе нужно понять разницу между местными легендами и фактами. Если где-то есть призраки, то они могут быть там лишь с определенной целью. Будьте готовы выслушать их беспристрастно вместо того, чтобы ожидать, что вам должны все рассказать.

Я наклоняюсь вперед, очарованная идеей связаться с духом. По крайней мере, с тем, кто не является моей мамой. Сойер же, напротив, все время скрещивает и разгибает ноги, и ему, видимо, тут так же уютно, как омару, которого вот-вот положат в кипящий котел.

– Знаете ли вы, что Томас Эдисон однажды сказал в интервью, что пытался создать телефон для разговоров с призраками? – спрашивает Макс. Сойер качает головой, а я делаю записи в своем блокноте.

– У большинства духов не хватает энергии, чтобы издавать слышимые ухом звуки, но некоторые могут собрать ее достаточно, чтобы оставить звук на записи, – продолжает Макс. – Некоторые люди верят, что призрак не может говорить, но может выработать столько энергии, чтобы изменить

статику рядом с катушкой микрофона и таким образом создать голос для общения. Этот тип коммуникации требует очень много энергии, поэтому большинство ЭГФ, или электронных голосовых феноменов, очень короткие.

– Но ведь есть призраки, которых люди могут видеть и слышать, – говорю я. – Как это возможно?

– Полнотелые видения – редкое явление, но такое случается. Эти призраки очень сильны, – Макс открывает свою спортивную сумку и достает диктофон. – Мне нравится пользоваться цифровыми записывающими устройствами, потому что я могу прогонять записи через компьютер. Призраки находятся в другом измерении, оно отличается от нашего, а это значит, что они общаются на другой частоте. Они могут общаться быстрее нас или медленнее. Мы можем использовать компьютер, чтобы найти эти различные частоты.

Губы Сойера недоверчиво сжимаются, и Макс замечает это.

– А что ты думаешь по этому поводу?

Пальцы Сойера двигаются, как будто это ответ, но затем он говорит:

– Похоже, ты создаешь доказательства того, чего не существует.

– Подожди с выводами, пока не услышишь прямой ответ на конкретный вопрос на ЭГФ. Тогда ты согласишься.

Затем Макс объясняет, как работает ЭГФ, и показывает нам различные типы того, что он называет «призрачными

ящиками». Скептицизм, похоже, является врожденной чертой ДНК Сойера, и внутри меня все опускается, когда я понимаю, что не могу заставить его поверить.

– Я прямо слышу, как ты говоришь, что мы должны вложить свои деньги, чтобы сделать этот проект, – говорит Сойер.

Дерьмо. Мальчик, который ездит на «Лексусе» и не может заплатить за аренду, не будет заинтересован в работе, которая ему влетит в копеечку. Просто класс.

– Как правило, да, – отвечает Макс, – но в вашем случае – нет.

Брови Сойера приподнимаются, а я словно оказываюсь в тупике.

– Как это?

– Я могу одолжить вам оборудование, необходимое для выполнения вашего задания.

Макс скользит к краю своего кресла, и оно наклоняется вперед под его весом. Он смотрит на меня печальными глазами, полными жалости, и в животе у меня все сжимается. О, Боже, он все знает, и ужас осознания парализует меня.

– Макс, – я пытаюсь что-то сказать, но язык заплетается. Мое сердце бьется слишком быстро, и он либо не слышит меня, либо понимает мое отчаяние, либо ему все равно, потому что он не останавливается.

– Ви, твой отец рассказал мне об опухоли в твоей голове, и я даже не могу выразить, как мне жаль. Всякий раз, когда

вижу тебя, ты вызываешь у меня улыбку тем, как живешь – на полную катушку. Как будто в твоём мозгу нет ничего инородного. Ты восхищаешь меня, и я хочу, чтобы ты наслаждалась этим проектом на сто процентов.

Сойер

Воскресенье, 10 февраля:

Сегодня вообще не лечили. Я даже не успела расстелить свои одеяла.

О, дорогой дневник, я в ужасном положении. И Фрэнк, и Гарри приходили ко мне. Гарри хочет, чтобы я сидела с ним и только с ним. Фрэнк ничего не говорит, но он продолжает «обиженно молчать», что заставляет меня чувствовать себя хуже, чем если бы он злился.

Думаю, что Вероника рассердилась на меня. Правда, мне бы хотелось, чтобы она перестала, но этого не произошло. Она пошла домой пешком, и мне это не понравилось.

Пока я оттаскивал ящик с оборудованием Макса и спортивную сумку к своей машине, укладывал все в багажник, она уже ушла. Я поспешил за руль и догнал ее, но она велела мне уезжать. Я согласился с тем, что она сказала: идти недалеко, но я привез ее туда, и мне показалось правильным быть тем человеком, который отвезет ее обратно, но она попроси-

ла меня уйти, даже добавив «пожалуйста».

Именно то, какое сильное желание остаться в одиночестве выражал ее взгляд, заставило меня уехать. Она сказала мне в общей сложности шесть слов, но я хотел большего. Мне нужно было больше. Но ее обиженное выражение лица победило, и теперь я чувствую себя еще большим придурком. Потому что отпустил девушку с опухолью мозга домой одну.

Эвелин жила более ста лет назад, и я прекрасно ее понимаю. Иногда молчание ранит сильнее, чем слова.

Толчок в плечо, и Сильвия садится в кресло во внутреннем дворике рядом со мной.

– Привет, незнакомец. Что ты там читаешь?

– Ничего. – Я снова сворачиваю дневник Эвелин в трубочку. Я делал это так часто, что края листов начинают закручиваться сами.

Мы в доме Сильвии, болтаемся на заднем дворе. Мигель выполняет переднее сальто с трамплина бассейна и, когда погружается в воду, раздаются одобрительные крики и возгласы от наших друзей, которые либо отдыхают рядом, либо плавают.

Здесь около двенадцати человек. Сочетание парней, с которыми я общаюсь, и девушек, с которыми общается Сильвия, создает то, что моя мама называет моим племенем. На гриле папа Сильвии готовит гамбургеры, а через открытые двери кухни в патио доносится смех ее матери и мамы Мигеля, когда моя наливает им всем еще по бокалу вина. Другие

взрослые кружат вокруг главной тройки, борясь за то, чтобы их бокалы были наполнены и они были ближе к сплетням.

Уже поздно, вероятно, около полуночи, и бассейн освещен множеством огней внутри и вокруг. В неглубокой части Люси прыгает со ступенек, ведущих в воду, но затем быстро гребет обратно в безопасное место. На ней надеты нарукавники, поскольку она в равной степени очарована бассейнами и боится их. Странно, ведь единственная моя любовь – это вода и прыжки.

– Я не могу дождаться, когда ты переедешь в наш район, – говорит Сильвия. – И так, как сейчас, будет всегда, а не только по выходным.

Мама смеется так громко, что несколько моих друзей оборачиваются и смотрят на нее. Люси хмурится от этого звука, потом садится на ступеньки бассейна и играет со своей куклой-русалкой.

Сильвия улыбается от уха до уха, наблюдая за суматохой на кухне.

– Твоя мама лучшая. Я тоже хочу быть душой компании, когда постучусь в дверь пятидесятилетия.

Сильвия заявила всем на нашем втором курсе, что она лесбиянка, на такой же вечеринке, как эта. Я уже знал эту новость, как и Мигель, с восьмого класса, и мы сказали ей тогда, что это не изменит нашу дружбу. Когда она рассказала об этом всем остальным, мы встали рядом, плечом к плечу, чтобы поддержать ее. Но заявление поразило их, как удар-

ная волна.

Взрослые в комнате замерли, как будто мы все очутились в Ледниковом периоде, но потом моя мама подошла к ней и обняла. Это единственное объятие разбудило всех присутствующих, включая родителей Сильвии, и с тех пор она была верной сторонницей моей мамы. Часто она была для нее даже бóльшим другом, чем я. Я не в обиде, но это может раздражать.

Не помогает и то, что родители Сильвии, несмотря на их любовь и поддержку, все еще разговаривают с ней об «уверенности в своем выборе» или о том, чтобы «дать парням реальный шанс».

Я не говорю Сильвии, что моя мама пытается заставить меня встречаться с ней раз в две недели. Учитывая, как она боготворит маму, это разобьет ей сердце.

– Надеюсь, что у меня будет такое же тело, как у нее, – продолжает она. – Твоя мама иронизирует над тем, как замечательно выглядит.

Сильвия оглядывается на других девушек в купальниках и поправляет тонкие бретельки своего бикини, как будто не уверена в том, как выглядит ее тело, что глупо. Она состоит в женской команде по плаванию, может с легкостью наворачивать круги вокруг моей мамы, и она одна из немногих, кто может не отставать от меня в бассейне. Так что у нее подкачанное тело, и это хорошо.

– Твоя мама сказала, что не потерпит, если ты забросишь

бассейн до следующего года, – говорит Сильвия.

– Ага.

– Теперь, когда ты наконец вернулся к плаванию, мне нужен соперник. Не хочешь поплавать на этой неделе?

– Давай.

– Тебя сегодня не было на тренировке. Что-то случилось?

– У меня были дела поважнее.

Я учился общаться с призраками, а потом проводил время, разъезжая по городу и думая о жизни. На самом деле о жизни Вероники. У нее опухоль мозга, и, судя по тому, как этот парень говорил, похоже, все серьезно и очень плохо.

– Ты какой-то тихий сегодня. – Опухоль мозга может заставить меня замолчать. – И почему сейчас не идешь в бассейн?

Киваю в сторону Люси и смотрю, как она пытается надеть очки. Я испытываю искушение помочь, так как ремни должны быть отрегулированы, но даю ей пространство, чтобы посмотреть, сможет ли она понять это самостоятельно.

– За ней нужно приглядывать.

– Да... но обычно ты плаваешь вместе с ней.

Я пожимаю плечами.

– Нет настроения.

Опухоль мозга. Боже, на что это похоже? Сильвия теребит расстегнутую пуговицу своего джинсового короткого платья. Под ним – бикини, и я задаюсь вопросом, означает ли это, что она снова полезет в воду.

– А я говорила твоей маме, что ты обидишься.

Это заставляет меня перевести взгляд с Люси на Сильвию.

– Обижусь на что?

– Не притворяйся. Мы слишком хорошие друзья для этого. Я говорила твоей маме и моей тоже, что вместо того, чтобы действовать за твоей спиной и заставлять идти в продвинутый класс по английскому, нужно было посоветоваться с тобой. Ты прекрасно знаешь, что тебе нужны хорошие оценки, чтобы остаться в команде, и ты знаешь, насколько трудным будет этот класс. Но твоя мама думала, что ты обидишься. Но это же глупо. Почему ты не хочешь, чтобы мы тебе помогли? У твоей мамы не было никаких причин действовать тайно. Я сказала ей, что ты все поймешь и что она должна была быть честной с самого начала.

Я молчал, конечно, совсем не из-за этого, но мой глаз задергался.

– И почему вы не рассказали мне о своем плане?

Она снова теребит пуговицу.

– Твоя мама просила меня не рассказывать.

И снова я хочу, чтобы мои друзья и моя мама чуть меньше общались.

– Она не хотела, чтобы ты думал, будто она не верит в тебя.

Она не верит в меня, и, очевидно, Сильвия тоже.

– Значит, у вас было большое собрание на этот счет, и вы не сочли нужным пригласить меня?

– Сейчас ты похож на ноющего маленького мальчика. Все были здесь, тусовались, а ты – нет. Нам не приходили зашифрованные сообщения с адресом заброшенного подвала, где мы бы сели в круг и начали обсуждать тебя. Почему тебя здесь не было? Не знаю, но не думай, что я не замечала, как ты отстраняешься ото всех с тех пор, как сломал руку. И ни Мигель, ни я не верим в то, что это произошло в бассейне.

Я ошетиливаюсь от верного обвинения.

– Я ведь лежал около бассейна и корчился от боли, не так ли?

– Мы с Мигелем весь день провели там вместе и тебя не видели.

– Я тогда только приехал.

Она переводит свой раздраженный взгляд на меня.

– Ты лжешь.

Она права, я лгу. Отвожу взгляд и смотрю на Люси.

– Что с тобой происходит, Сойер? Когда-то ты был таким же, как твоя мама, вся жизнь – сплошная вечеринка, а теперь ты как будто сам себя выключил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.